

Полина
Герм

Прекраснее,
чем когда-либо

18+

Полина Герм

Прекраснее, чем когда-либо

«Автор»

2026

Герм П.

Прекраснее, чем когда-либо / П. Герм — «Автор», 2026

Однажды она надела чужую кофту — и увидела смерть. Плёнка на лице. Зеркало. Голос за спиной. Теперь она знает: в городе убивают девушек. Он ищет ту, что станет финалом. И уже смотрит в её сторону. «Прекраснее, чем когда-либо» — мистический детектив о вещах, которые помнят смерть, и о девушке, заглянувшей в чужой кошмар и нашедшей там свой.

© Герм П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	5
ПРОЛОГ. ОТРАЖЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. КОФТА	7
ГЛАВА 2. НОВОСТИ	13
ГЛАВА 3. БАР «ЭХО»	17
ГЛАВА 4. НИТИ	25
ГЛАВА 5. ВЕРА	30
ГЛАВА 6. КОНТАКТЫ	36
ГЛАВА 7. МОРГ	40
ГЛАВА 8. ОСКОЛКИ	44
ГЛАВА 9. ДОБЫЧА	48
ГЛАВА 10. ТЕПЛО	55
ГЛАВА 11. ДНЕВНИКИ	59
ГЛАВА 12. ПОДГОТОВКА	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Прекраснее, чем когда-либо

Посвящение

Тем, кто знает: у вещей есть память. Тем, кто заглядывал в зеркало и видел там не только себя. И тем, кто нашёл того, с кем не страшно смотреть в темноту.

ПРОЛОГ. ОТРАЖЕНИЕ

Тело ныло, слушаться отказывались даже кончики пальцев. Голову невозможно было повернуть из-за фиксации. Ноги, руки и голова были крепко стянуты, без возможности двигаться.

Впереди стояло зеркало.

Лицо в нём было чужим, искажённым. Истерзанное тело существа напротив как будто принадлежало не ей. Целлофан обтягивал скулы, нос и губы. Он делал черты плоскими, неживыми, будто лицо с журнальной страницы, которую скомкали и расправили. Пленница мысленно приказывала рукам разорвать плёнку, но пальцы лишь слабо подрагивали. Слёзы скользили по гладкой поверхности, оставляя влажные полосы.

Дышать.

Нужно дышать.

Но плёнка не пускала воздух. Она прилипала к губам, втягивалась в ноздри, запечатывала рот поцелуем смерти. Грудная клетка дёргалась в спазмах, перед глазамиплыли цветные круги.

Проходя через предсмертную агонию, она не замечала тёмный силуэт сзади.

Форменная куртка, широкие плечи, руки в перчатках, которые держали края плёнки. Движения были спокойными, почти ласковыми. Так упаковывают хрупкую вещь перед отправкой.

— Смотри, — сказал он. Голос был низким, без интонаций. — Смотри на себя. Ты прекраснее, чем когда-либо. Не смей закрывать глаза.

Она смотрела.

Плёнка запотела изнутри. Последний выдох оставил на целлофане мутное облачко. Глаза в отражении остекленели. Свет в зрачках погас, как перегоревшая лампочка. И в тот же миг что-то изменилось в самом зеркале.

По стеклу прошла рябь.

Словно вода тронула поверхность. Отражение девушки на секунду замерло, а потом медленно, нехотя втянулось в глубину стекла. Не исчезло, а именно втянулось, оставив после себя только тёмный силуэт, впечатанный в зеркальную гладь.

Человек отпустил плёнку и издал вздох удовлетворения. Бездыханное тело осело и больше не сопротивлялось. Он не смотрел на него. Он смотрел в зеркало, где теперь жило её последнее выражение. Выражение ужаса, застывшее стеклянной маской. Он медленно подошёл к зеркалу, смакуя момент. Руки легли ладонями на поверхность. Около минуты он вдыхал только ему слышимый запах. Её запах в зазеркалье.

Насладившись моментом, он достал из кармана осколок. Маленький, с острыми краями. И аккуратно, кончиком ключа, выцарапал на нём цифру:

1

Затем извлёк из внутреннего кармана прядь тёмных волос. Локон был перевязан чёрной ниткой. Он приклеил его к осколку воском от свечи, которую зажёт специально для этого. Воск капнул на стекло, застыл мутной каплей.

Он положил осколок рядом с телом.

Снова обернулся на зеркало.

— Сука! — крикнул он от злости, схватившись за голову. Он упал на колени перед зеркалом, содрогаясь от рыданий. Где-то в глубине стекла застыло лицо девушки.

ГЛАВА 1. КОФТА

Ульяна ненавидела утро.

Не то чтобы она была совой. Скорее, она не любила момент, когда сознание выныривало из сна и сразу натыкалось на список дел. Неписанный, но вечный, как коммунальные платежи. Сегодня список был таким: разобрать новые коробки, отснять мерч для соцсетей, ответить на комментарии, отвезти старые вещи на переработку и отдельным пунктом, который она мысленно подчеркнула жирной красной линией нормально поесть.

Поесть Ульяна любила. Вкусно, основательно, с чувством. Её бабушка говорила: «Хорошая еда — это уважение к себе». Ульяна с этим жила. Вот только времени на уважение к себе хронически не хватало. Поэтому завтрак сегодня снова оказался под вопросом.

Она спустилась с второго этажа в магазин босиком, в растянутой футболке и шортах. Магазин «Второе дыхание» встретил её запахом старой бумаги, ткани и какао. Банка с шоколадным порошком стояла прямо за прилавком. Кофе Ульяна не пила принципиально: от него болел желудок и портилось настроение. Другое дело — какао. Густое, сладкое, с ложкой сахара и щепоткой корицы. Она включила электрический чайник и потянулась за любимой кружкой.

Утро было единственным временем, когда магазин принадлежал только ей. Без покупателей, без продавцов, без случайных прохожих, которые заглядывали просто погреться. Тишина и вещи. Много вещей.

Она оглядела зал. Вчерашние коробки, которые привёз знакомый водитель с городской барахолки, стояли в углу. Три штуки. Девушка взяла канцелярский нож и вскрыла первую.

Платья. Несколько винтажных, с кружевными воротниками. Она пробежалась пальцами по ткани, прикидывая: это на переработку, это на продажу, это отдать. Руки работали быстрее головы. Сказывались годы практики. Она налила кружку, вдохнула сладкий пар и сделала глоток. Жизнь стала чуть терпимее.

Вторая коробка. Джинсы, свитера, старая кожаная сумка. Она задержалась на сумке, покрутила в руках, но отложила. Всё не то.

Третья коробка была набита верхней одеждой. Пальто, куртка, какой-то нелепый плащ с чужого плеча и кофта.

Ульяна вытянула её на свет.

Кофта была хороша. Винтажная, но не старая. Тёмно-вишнёвая, почти чёрная в тених, с длинным рукавом и мягким воротником-стойкой. Ткань плотная, но не колючая. Шерсть с добавлением кашемира, определила она на ощупь. Вещь дорогая. Кто-то носил её долго и с любовью.

Она не знала, почему так подумала. Просто иногда вещи рассказывали о себе до того, как она успевала их осмотреть. Ульяна давно заметила за собой эту странность — не дар, скорее чутьё, отточенное годами. Некоторые вещи молчали, даже если она держала их в руках подолгу. Другие начинали «звучать» сразу: не словами, а ощущениями, смутными тенями эмоций, которые когда-то впитались в ткань. Она никогда не придавала этому значения, списывая на интуицию. Боль и страх она раньше не чувствовала ни разу. Только радость, печаль, иногда глухую тоску. И всегда это было похоже на радио, поймавшее чужую волну: обрывками, нечётко, фоном. Пока в её руках не оказалась эта кофта.

Ульяна повесила её на плечики и прицепила бирку с ценой. Шестьсот рублей. Можно было поставить тысячу, но она хотела, чтобы вещь ушла быстро. Такие кофты залеживаются до холодов, а холода были уже здесь.

Она как раз допила напиток и собиралась приступить к съёмке, когда над входной дверью звякнул колокольчик.

— Открыто? — спросил мужской голос.

Ульяна обернулась. На пороге стоял парень. Лет двадцать пять, не больше. Высокий, светлые волосы с заметным золотистым отливом. И костюм. Хороший, дорогой костюм, который сидел так, будто его сшили прямо на нём. На шее, над воротником светлой рубашки, виднелся край татуировки. Смотрелся он в этом антураже как будто неуместно.

Она его помнила. Он заходил несколько раз за последние полгода. Всегда покупал что-то странное: то винтажный пиджак, то шелковый платок, то старые кожаные перчатки. Расплачивался наличными. Никогда не торговался. И никогда не смотрел в глаза дольше секунды, из-за чего казался высокомерным.

— Открыто, — сказала Ульяна. — Проходите.

Он кивнул и вошёл, сразу направившись к стойке с мужской одеждой. Двигался плавно, почти лениво.

Уля машинально одёрнула футболку. Впрочем, этому покупателю, кажется, было всё равно. Он перебирал вешалки с рубашками, и его пальцы касались ткани с какой-то почти чувственной аккуратностью.

— Что-то конкретное ищете? — спросила она, потому что молчание затянулось и стало неловким.

— Пока не знаю, — ответил он, не оборачиваясь. Голос был низкий, с лёгкой хрипотцой. — У вас есть что-то... с историей?

— Здесь у всего есть история, — усмехнулась она. — Это секунд.

— Я имею в виду — что-то, что долго носили. Не новое. То, что помнит владельца.

Ульяна приподняла бровь. Станный запрос. Обычно люди ищут что-то «почти новое» и «без следов носки». А этот, наоборот, хочет вещь с призраками.

— Вон там, — она махнула рукой в сторону дальней стойки, — есть пара старых пиджаков. Одному лет двадцать, не меньше. Шерсть, ручная работа. Хозяин, судя по всему, носил его до дыр.

Парень повернулся. Она впервые поймала его взгляд — серые глаза, светлые и слишком внимательные. Так смотрят не на вещи, а сквозь них.

— Спасибо.

Он подошёл к указанной стойке и начал перебирать пиджаки. Ульяна наблюдала за ним краем глаза, делая вид, что протирает прилавок. Парень не просто смотрел на ткань. Он прикасался к ней так, будто слушал.

— Беру, — сказал он через минуту и положил на прилавок старый серый пиджак.

— Пятьсот.

Он достал бумажник, отсчитал купюры. Руки были тоже в рисунках. Геометрические узоры уходили под манжеты рубашки. Ульяна заметила, что двигается он с той особой пластикой, которую дают годы тренировок, что-то требующее координации и взрывной силы.

— Спасибо, — сказал он, забирая пиджак. — У вас тут... хорошо. Спокойно.

— Спасибо, — машинально ответила Ульяна. — Заходите ещё.

Он кивнул и вышел. Колокольчик звякнул. В магазине снова стало тихо.

Ульяна выдохнула. Станный тип. Вежливый, но от него пробегают мурашки. Она потрясла головой, отгоняя мысли. Дела.

Нужно было отснять мерч. Она обвела взглядом зал, выбирая вещь, и взгляд снова упёрся в вишнёвую кофту.

— Ладно, — сказала она вслух. — Ты и пойдёшь первая.

Ульяна сдёрнула кофту с вешалки и натянула поверх футболки. Ткань легла мягко, обняла плечи. Она машинально отметила: «Сидит как влитая». Подошла к большому зеркалу у стены. Тому самому, старому, в дубовой раме, доставшемся от прежних хозяев.

Поправила волосы. Включила камеру на телефоне. Приготовилась сделать первый кадр.

И в тот момент, когда её палец коснулся экрана, перед её глазами изменилось изображение.

Сначала она увидела солнце. Низкое, пробивающееся сквозь ветви. Услышала шорох листьев и девичий смех. Лёгкий, почти беззаботный. Она шла по аллее, и на теле была та самая кофта, этот вишнёвый свидетель чужой жизни. Рукава были длинноваты, и девушка натягивала их на пальцы, кутаясь от ветра. Рядом кто-то был. Она не видела кто, но чувствовала тепло чужого плеча.

Парк исчез. Смех оборвался. Ульяна оказалась в тёмной комнате, и тело больше не слушалось. Руки и ноги были стянуты, голова зафиксирована. Впереди стояло зеркало. Чужое, мутное, холодное. В нём отражалось лицо, которое только что смеялось в парке. Теперь оно было искажено ужасом. Плёнка обтягивала скулы, нос, губы.

Ульяна чувствовала, как целлофан запечатывает рот. Как грудная клетка сжимается в спазмах. Как перед глазами плывут круги.

— Смотри на себя, — услышала она низкий голос.

Игла страха вошла в сердце. Чужой, последний, предсмертный страх. Она была жертвой.

Ульяна попыталась закричать, но её голос принадлежал другой. Лёгкие горели. В глазах темнело. Она увидела, как гаснет свет в зрачках отражения. Как по стеклу проходит рябь. Как душа втягивается в зеркало.

И в этот самый миг что-то рвануло её назад.

— Эй! Эй, очнись!

Сильные руки схватили её за плечи. Кофта задралась. Кто-то дёрнул её, вырывая из видения, и Уля закричала. На этот раз своим голосом.

Она открыла глаза. Перед ней было лицо парня. Тот самый «пижон в костюме», который только что купил пиджак. Он держал её за плечи, почти вжимая в зеркало, и его пальцы обжигали даже через ткань.

— Дыши, — сказал он хриловато. — Давай. Медленно. Вдох.

Она вдохнула.

— Выдох.

Выдохнула.

И только после этого заметила, что её трясёт. Крупной, неконтролируемой дрожью. Заметила, что парень стоит слишком близко, и от его ладоней идёт странное, неестественное тепло, успокаивающее и почти обволакивающее.

— Что... — голос сорвался. — Как вы...

— Я забыл перчатки, — сказал он, не отпуская её плеч. — Вернулся. А ты тут...

Он осёкся, глядя на неё.

— Ты чего-то испугалась, — сказал он тихо. Это был не вопрос.

Ульяна хотела ответить, но не смогла. В горле стоял ком. Она только покачала головой, отстранилась и на негнущихся ногах отошла к прилавку. Стянула кофту, бросила на стул.

— Вам показалось, — сказала она глухо. — Со мной всё в порядке. Просто голова закружилась. Недосып.

Парень не двигался. Он стоял и смотрел на неё всё тем же странным, слишком внимательным взглядом.

— Ты извини, — сказала Ульяна уже твёрже, — я на сегодня закрываюсь. Неважно себя чувствую.

— Я вижу, — ответил он спокойно. — Может, скорую?

— Нет.

— Чаю? У тебя тут есть чай? Кофе?

Она моргнула.

— Что?

- Чай, — повторил он. — Или какао. Горячий. С сахаром. Помогает при шоке.
- Я не в шоке.
- Ты дрожишь.

Ульяна опустила взгляд на свои руки. Пальцы действительно подрагивали, и она поспешно сжала их в кулаки.

- Послушайте, — начала она, — я не знаю, кто вы, и...
- Иван, — улыбнулся парень.
- Иван, — повторила она. — Я ценю заботу, но вам не обязательно...
- Я заварю, — сказал он и, не дожидаясь разрешения, шагнул за прилавок.

Ульяна настолько опешила от такой наглости, что не нашлась с возражениями. Он нашёл банку, высыпал содержимое в кружку и залил водой из еще не остывшего чайника. Двигался спокойно, уверенно, словно был здесь не в первый раз. Через минуту он протянул ей кружку.

- Пей.
- Она взяла кружку. Глотнула. Сладкое, горячее и правда помогло. Дрожь немного унялась.
- Спасибо, — сказала она нехотя.
- Не за что.

Он опёрся о прилавок, сложил руки на груди. Молчал.

Ульяна сделала ещё глоток. Молчание становилось невыносимым. Ей хотелось, чтобы он ушёл, и одновременно, чтобы остался. Что-то в его присутствии успокаивало, хотя она не понимала, что именно.

— Ты можешь мне не верить, — сказала она наконец, глядя в кружку. — Я сама себе не верю. Это... это прозвучит как бред.

— Попробуй.

Она подняла глаза. Он смотрел на неё — без насмешки, без нетерпения. Просто ждал.

— Я видела девушку, — слова давались с трудом. — Не здесь. Где-то ещё. Она гуляла по парку. В этой кофте. Улыбалась. А потом... — Ульяна сглотнула. — Потом она была в комнате. С зеркалом. И кто-то... кто-то её убил. Я чувствовала всё. Как будто это была я.

Она замолчала и приготовилась к тому, что он сейчас начнёт пятиться к выходу, бормоча что-то про скорую или полицию. Но Иван не двинулся с места.

- И что ты теперь? — спросил он.
- Что — я?
- Что будешь делать?
- Ничего, — она пожала плечами. — Это же бред. Такого не бывает.
- А если бывает?

Она не знала, что ответить.

Парень выпрямился и достал из кармана визитку.

— Это мой номер, — сказал он, кладя её на прилавок. — Я владею баром «Эхо», тут недалеко. Если вдруг тебя снова нужно будет спасти от «видений убийств», — усмехнулся он, — или просто нужно будет поговорить... — Он сказал это чуть тише. — Я серьёзно.

Она взяла визитку. *«Иван. Бар „Эхо“»*. Телефон. Ничего лишнего.

- Я скорее всего просто не поела и ударила головой, — сказала она.
- Я верю, что ты что-то видела, — ответил он. — А что именно, тут уж тебе решать.
- Он пошёл к выходу, у двери обернулся.

— И, Ульяна... Я бы на твоём месте пока не трогал эту кофту. Просто на всякий случай. Колокольчик звякнул. Он ушёл.

Имени своего я ему не называла... кажется. Впрочем, он бывал здесь раньше — мог услышать от Карины или увидеть на табличке с графиком работы.

Магазин опустел. Ульяна стояла с кружкой в руке и смотрела на визитку. Станный тип. Очень странный. Но он помог. Стало лучше.

Взгляд зацепился за кофту.

Прошло десять минут. Пятнадцать. Напиток остыл. Уля отставила кружку.

Бред. Всё это бред. Ей просто показалось. Переутомление, недосып, низкое давление. Да что угодно! Она никогда не верила в мистику, в экстрасенсов, в духов и прочую чушь. Она продавала старые вещи и перерабатывала текстиль. Вот её реальность.

А ещё у неё были обязательства. И соцсети, в которых нужно было выкладывать новый мерч. И покупатели, которые ждали обновлений. И кофта, которую она собиралась продать.

Весь день она игнорировала этот предмет. А к вечеру не выдержала.

— Да иди ты, — сказала она вслух.

Подошла к вешалке. Сняла кофту. Покрутила в руках. Обычная ткань. Не кусается, не шевелится. Не пытается убить.

— Давай-ка проверим, — пробормотала она. — Если мне показалось, ничего не будет. А если нет... ну, тогда я хотя бы пойму, что не сошла с ума.

Она натянула кофту поверх футболки.

Вдох. Выдох.

Ничего.

Прошло пять секунд. Десять. Она стояла перед зеркалом и видела только себя в тёмно-вишнёвой кофте. Никакого солнца, никакого парка. Никаких убийств.

— Ну вот, — выдохнула она. — Показа...

Солнце. Парк. Шорох листьев. Чужой смех, от которого тепло в груди. А потом темнота, зеркало, плёнка на лице. Ужас, сжимающий горло. Голос. И предсмертная агония, от которой невозможно убежать.

Она очнулась на полу.

Сама. Никто не тряс её за плечи, никто не держал. Не спасал. Просто видение кончилось, и она рухнула, прижимаясь щекой к холодному дощатому полу. Было больно дышать.

Кофта всё ещё была на ней.

Ульяна сдёрнула её так грубо, как только могла. Не жалея ткани, чуть не порвав швы, и отшвырнула в угол. И та упала бесформенной кучей.

Мне. Не. Показалось.

Она сидела на полу и дышала. Просто дышала. Пять минут. Десять. Пока сердце не перестало биться где-то в горле.

Потом встала. Подошла к задней двери. Вышла во внутренний двор. Там стоял мусорный бак. Старый, ржавый, с вечно откинутой крышкой.

Уля вернулась в магазин, подняла кофту с пола. Взяла её брезгливо, двумя пальцами, как дохлую мышь, и вынесла во двор. Бросила. Захлопнула крышку. Вернулась в магазин. Заперла заднюю дверь на ключ. Прислонилась спиной к стене.

Всё. Нет кофты — нет проблемы.

Она заварила чай. Руки дрожали, и порошок просыпался на прилавок. Приняла душ. Съела вчерашние макароны прямо из кастрюли у окна. К вечеру почти убедила себя, что всё в порядке.

Спустилась в магазин выключить свет.

Кофта висела на вешалке у входа. Девушка замерла. Она висела чистая. Без пятен. Без запаха помойки.

Она разозлилась скорее больше, чем испугалась. Схватила кофту, зажигалку и выбежала на задний двор. Кинула это вишнёвое чудовище в мусорный бак и подожгла. Пламя разгорелось быстро. Простояв так пару минут и убедившись, что ничего не осталось, она вернулась в магазин. Выдохнула, повернулась и...

Она снова висела на своём месте. Нетронутая и всё такая же вишнёвая.

Ульяна попятилась. Схватила телефон. А что, собственно, делать? Полиция? И что я скажу? Меня преследует кофта? Она смахнула экран блокировки. Нашла контакт «мама», но не нажала. Точно не вариант. Она и так считает меня сумасшедшей. Карина? Номер подружки шёл следующим... Нет, отвлекать её от отдыха. Она оперлась на стойку, и её взгляд остановился на визитке. Ну, собственно, а что я теряю?

— Алло? — голос был слегка грубоват.

— Иван? Это Ульяна. Ты сегодня утром был в моём магазине. Ты сказал, что я могу к тебе обратиться и я не знаю... то есть я хочу сказать, что... Я выбросила и поджигала её, но она снова здесь... и я не знаю, что делать. А знаешь, я не должна была звонить и вообще... — мямлила она..

— Через десять минут буду у тебя, — сказал он. — Жди.

Ульяна нажала отбой и опустилась на пол, прижавшись спиной к прилавку. На улице темнело. Кофта висела в слабом свете ночника, почти чёрная.

Дело было плохо.

ГЛАВА 2. НОВОСТИ

Магазин тонул в тишине. Ульяна сидела на стуле за прилавком, подобрав под себя ноги, и смотрела на шерстяное чудовище. Кофта висела в паре метров, вишнёвая, неподвижная. Не нападала, не шевелилась, не дышала, конечно же. Просто висела.

Ждать в тишине было невыносимо. Она схватила пульт и включила телевизор, почти беззвучно, просто чтобы видеть на экране какое-то движение. Местный канал, вечерний выпуск новостей. Уля не вслушивалась. Просто смотрела на мелькание картинок, надеясь, что это отвлечёт её от мыслей о том, что она, кажется, сходит с ума.

Колокольчик звякнул.

Девушка подскочила на стуле. Иван стоял на пороге. Его тёмный силуэт в проёме двери еле помещался. За парнем виднелся мокрый от дождя асфальт. Костюм на нём был всё тот же, но теперь пиджак расстёгнут, как и воротник рубашки. Волосы прилипли ко лбу от влаги. Он шагнул внутрь и закрыл за собой дверь, отрезав звук дождя.

— Ты быстро, — сказала Ульяна вместо приветствия.

— Я был недалеко. — Он обвёл взглядом магазин, задержался на кофте, потом снова посмотрел на неё. — Как ты?

— Паршиво, — честно ответила она. — Но уже в состоянии здраво рассуждать. Спасибо, что пришёл.

— Ты звонила. Я пришёл. Всё логично.

Он подошёл ближе и остановился, опершись бедром о прилавок. Близко, но не вплотную. Ровно на границе личного пространства.

— Расскажи ещё раз, — сказал он. — Всё, что было. Медленно и по порядку.

И она рассказала.

Сначала путалась в словах, но постепенно выстраивая картину заново. Как надела кофту, как увидела солнце и осенний парк, как ощутила чужую радость. Такую чистую эмоцию, что захотелось плакать. Как потом всё исчезло, и она оказалась в тёмной комнате, пристёгнутая, беспомощная, с плёнкой на лице.

— Там было зеркало, — говорила она, глядя в одну точку. — И я видела её лицо. Девушку, которая... ну, ты понимаешь. Молодая, тёмные волосы, длинные. В этой самой кофте. Она была... — Ульяна запнулась, подбирая слово. — Счастливой. Сначала. А потом...

Она подняла взгляд на телевизор, просто чтобы не смотреть на Ивана, пока говорит.

И ахнула.

На экране, который она так и оставила без звука, показывали фотографию. Девушка. Тёмные длинные волосы. Та самая улыбка — чуть смущённая, будто солнце светило в глаза. Та, что смеялась в парке. Та, что натягивала рукава кофты на пальцы. Та самая из видения.

— Это она, — прошептала Ульяна.

Иван проследил за её взглядом. Она не заметила, как он напрягся.

— Сделай громче.

Ульяна нащарила пульт дрожащей рукой и вдавила кнопку громкости. Голос ведущей ворвался в тишину магазина:

— ...третья жертва так называемого «Целлофана» была обнаружена неделю назад. Следствие продолжает поиски серийного убийцы, который, по предварительным данным, выбирает девушек одного типажа. На месте преступления обнаружены характерные для почерка преступника улики...

Кадры сменились. Мелькнул подъезд, опечатанная дверь, люди в форме. Потом на экране появился мужчина. Подтянутый, в форменной куртке, с короткой стрижкой, тронутой просе-

дью. Он стоял перед микрофонами и говорил что-то — ведущая зачитывала закадровый текст, но несколько слов прорвалось:

— ...прилагаем все усилия. Преступник будет найден.

Плашка внизу экрана гласила: *«Виктор Михайлович Князев, старший следователь по особо важным делам»*.

Камера задержалась на его лице. Уверенный взгляд, расправленные плечи, никакой суеты в движениях. Он говорил с журналистами так, будто отдавал приказы. Спокойно, чётко, без тени сомнения. Руки в перчатках. Погоны на плечах. В глазах усталость.

— От этого человека веет уверенностью, — пробормотала она, не отрываясь от экрана.

Ваня промолчал.

Сюжет закончился, ведущая перешла к следующей теме. Ульяна выключила телевизор и в наступившей тишине вдруг усмехнулась.

— «Целлофан», — произнесла она. — Они назвали его «Целлофан».

— Ну да. — Иван приподнял бровь.

— Это убогое прозвище, — она покачала головой. — Серьёзно. Человек убивает девушек, держит в страхе полгорода, а они называют его в честь упаковочного пакета.

— По-моему, неплохо, — пожал плечами Иван. — Коротко, запоминается.

— Конечно, запоминается, — фыркнула Ульяна. — Так и вижу: «Граждане, бойтесь Целлофана!» Звучит как реклама супермаркета.

— Ты смеёшься над прозвищем серийного убийцы, — заметил он. — Это нервное?

— Это адекватная реакция на идиотское название.

Он чуть улыбнулся уголком губ, и Ульяна вдруг поняла, что дышит ровнее. Страх никуда не делся. Он просто отошёл на задний план, заслонённый раздражением и каким-то горьким юмором.

— Слушай, — сказала она, — ты не обязан тут быть и помогать. Я на самом деле вообще не знаю, почему позвонила.

— Ты испугалась, — сказал он уверенно. — Я предложил помощь. Грех не помочь красивой даме в беде, Уль.

Он улыбнулся и подмигнул.

— Я не дама в беде, молодой человек, — произнесла она медленно. — И... я, кажется, не называла своего имени до того, как позвонила. Но ты его знал.

В воздухе повисла короткая, но очень плотная пауза.

Иван выдержал её взгляд.

— Ты права, — сказал он. — Я знал твоё имя и до звонка. Я бывал здесь несколько раз за последние полгода — покупал пиджаки, перчатки, платки. Пару месяцев назад я забыл у тебя перчатки. Вернулся. В магазине была девушка — светлые волосы, кажется. Она звала тебя на прогулку, просила закрыть магазин. Назвала по имени. Я запомнил. А что касается звонка, то у меня определился номер и я сохранил твой телефон ещё тогда, на всякий случай.

Он говорил спокойно, глядя ей прямо в глаза, без запинки, без попытки отвести взгляд.

— Ты сохранил мой телефон? Зачем?

— Потому что мне нравится покупать вещи в твоём магазине. — Он пожал плечами.

Ульяна моргнула. Объяснение звучало логично — гораздо логичнее, чем её собственные параноидальные догадки. Карина действительно забегала пару месяцев назад и действительно могла назвать её по имени при постороннем. А телефон... что ж, она сама дала ему свою визитку полгода назад, когда он впервые что-то купил. У неё тогда ещё была акция *«постоянным покупателям — скидка по звонку»*. Глупая идея, от которой она отказалась через месяц. Но визитки остались у десятка человек.

— Ладно, — сказала она, выдыхая. — Допустим. Извини, что наехала. Просто после всего...

— Понимаю. — Он кивнул. — Не извиняйся. Я бы на твоём месте тоже подозревал всех подряд.

Она задвинула сомнение в дальний угол сознания. Помощь ей была нужна. А подозрения могли и подождать.

— Ладно, — сказала она, вставая. — Хватит болтать. Если эта кофта действительно показывает мне смерть владелицы, нужно понять, работают ли другие вещи так же.

— Ты хочешь проверить?

— А ты предлагаешь сидеть и ждать, пока она снова начнёт мне что-то показывать?

Они начали с коробок. Ульяна касалась вещей осторожно, как сапёр. Кончиками пальцев, готовая в любой момент отдернуть руку. Старый плащ — ничего. Серое пальто — тишина. Кожаная сумка — ей показалось, что мелькнул какой-то смутный образ, холод и запах земли, но всё рассыпалось прежде, чем она успела ухватить.

— Слабое, — сказала она, отдергивая руку. — Не как с кофтой.

— Значит, твой... дар, или что это, — Иван помедлил, — реагирует не на всё. Только на вещи с историей. С эмоциональным следом.

— «Эмоциональный след», — повторила она. — Ты говоришь так, будто это нормально.

— Для меня — да. Для тебя, видимо, пока нет.

Она прищурилась. Он явно знал больше, чем говорил, но давить сейчас не было сил. Они перебрали всё, что было в коробках, потом прошлись по вешалкам в зале — старые свитера, платья, пиджаки. Ничего. Только кофта.

— Значит, либо у меня мозги набекрень только на эту кофту, либо все остальные владельцы ещё живы, либо их вещи недостаточно «заряжены», — подвела итог Ульяна, опускаясь на стул. — Как-то всё это... не радует.

— По крайней мере, мы знаем, с чем имеем дело, — сказал Иван.

— Мы? — она подняла бровь. — Ты в этом участвуешь?

— Я здесь, — ответил он просто. — А значит, участвую.

Ульяна смотрела на него несколько секунд. Как-то быстро он "вошёл в игру", но спорить не хотелось.

— Ладно, — сказала она. — Я больше не хочу сегодня ничего видеть, слышать, а тем более чувствовать. Никаких больше видений. У меня есть чай, если хочешь. Кофе нет — принципиально не пью.

— Знаю, — сказал он. — Ты говорила.

— Нет, не говорила.

— Значит, догадался.

Она хмыкнула и пошла включать чайник.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За то, что пришёл. И за то... ну, за то, что я не свихнулась.

— Ты не свихнулась, — сказал он. — И не свихнёшься.

— Знаешь, что самое дурацкое? — Ульяна невесело усмехнулась. — Я понятия не имею, откуда это. Не просила, не ждала, ни в каких эзотерических лавках не практиковалась. Просто коснулась не той кофты — и привет.

— Может, это всегда было с тобой, — осторожно сказал Иван. — Просто раньше не попадались вещи с такой... историей.

— Прекрасная мысль. Буду теперь каждую блузку на входе проверять.

Он допил чай, поставил кружку на прилавок и направился к выходу. Одни любители горячих напитков, подумала девушка.

— Завтра я проверю кое-что по своим каналам. А ты пока не трогай кофту. Совсем. Даже не смотри на неё лишний раз.

— Легко сказать.

— Я зайду днём, — сказал он. — Если что — звони.

И вышел. Дверь закрылась. Ульяна осталась одна в тишине магазина. Кофта висела на своём месте, но теперь, кажется, смотрела на неё чуть менее зловеще. Или ей просто хотелось так думать.

ГЛАВА 3. БАР «ЭХО»

Сон пришёл не сразу. Сначала была темнота спальни и навязчивый запах лаванды, который, казалось, просочился сквозь пол из магазина. Она ворочалась, перекладывала подушку с одной стороны на другую, считала овец, перечисляла все вещи из новой партии в алфавитном порядке. Ничего не помогало. Тревога сидела где-то под диафрагмой, как невыплюнутая косточка.

Когда сон наконец сморил её, он оказался хуже бессонницы.

Снова парк. Шорох листьев под ногами. Но теперь Ульяна шла не одна. Кто-то держал её за руку. Рука была холодной.

Она повернула голову и увидела её. Девушку. Только теперь лицо не улыбалось. Оно было бледным, застывшим, с тёмными провалами вместо глаз. Губы шевелились беззвучно, но Ульяна понимала каждое слово.

Помоги. Ты видела. Ты знаешь. Помогимне.

Ульяна хотела ответить, но голос не слушался. Хотела отдернуть руку, но пальцы девушки сжались сильнее — не больно, но крепко, как будто та боялась, что её отпустят.

Зеркало. Посмотри в зеркало.

Перед ними возникло зеркало. Прямо посреди парка, в тяжёлой деревянной раме, неуместное среди кленов и дубов. Ульяна увидела в нём себя и девушку. Теперь та стояла позади, положив руки ей на плечи. А за ними обеими, в самой глубине стекла, медленно проступал мужской силуэт. Без лица. В форменной куртке.

Помоги.

Зеркало пошло трещинами. Девушка закричала беззвучно, но Ульяна услышала этот крик внутри собственной головы.

Она проснулась в холодном поту. За окном серело. Дождь прекратился. Подушка была скомкана и сброшена на пол.

— Чёрт, — прошептала Ульяна в потолок.

Есть не хотелось, но она заставила себя проглотить бутерброд. За окном моросил противный дождь. Пасмурно, мрачно, в духе ситуации. Вчерашний день казался лихорадочным бредом. Но кофта внизу, висела на своём месте. Она проверила её, едва спустившись. И девушка из сна была той самой. Третьей жертвой «Целлофана».

Она потрясла головой, прогоняя остатки сна, и перевернула табличку на двери с «Закррито» на «Открыто».

Рабочий день начался.

Посетителей было немного, но они шли ровным потоком, не давая Ульяне провалиться в мрачные мысли. Сначала зашла пожилая дама в берете — долго мерила винтажные броши и в итоге купила одну, с потускневшим янтарём. Потом студент, искавший «что-нибудь недорогое и стильное». Ушёл с серым свитером крупной вязки. Потом молодая мама с коляской. Попросила отложить для неё детские вещи, если появятся. Ульяна кивала, улыбалась, пробила чеки, и это было почти нормально. Почти как раньше.

Но каждый раз, когда в магазине наступала тишина, её взгляд возвращался к вешалке у входа.

Ближе к полудню телефон завибрировал. Это был Ваня.

«Как ты?»

Она набрала ответ:

«Жива. Кофта тоже. Посетители идут. Всё как обычно, если не считать, что я, кажется, разговариваю с мертвецами.»

Ответ пришёл быстро:

«Это хорошо. Нам нужно обсудить дальнейшие шаги. У меня бар сегодня тихий. Приходи к часу. „Эхо“, улица Ленина, 12. Это в десяти минутах от тебя.»

«Напомни, зачем тебе мне помогать?»

«Я не бросаю друзей в беде.»

«А мы успели ими стать?»

«Девушка, я спас вас из лап видений. Разве я не заслуживаю доверия?»

Спорно, подумала Уля, но на деле напечатала: *«Не слишком ли вы юны для спасителя?»* Чёрт, зачем я это напечатала. И, не дождавшись ответа: *«Буду вовремя.»*

Идти в логово к человеку, которому она не до конца доверяла, было не самой очевидной идеей. Но с другой стороны, он был единственной ниточкой, связывающей её с реальностью. Он не покрутил пальцем у виска.

Она убрала телефон в карман и пошла переодеваться. Хватит с неё пижамных шортов и растянутых футболок. Если уж идти в бар странного парня, то хотя бы выглядеть достойно.

Бар «Эхо» нашёлся в полуподвале старого кирпичного дома. Вывеска была скромной. Просто слово «Эхо» неонов, бледно-голубым, почти белым. Ульяна спустилась по ступеням, толкнула тяжёлую дверь и вошла.

Внутри было темно и прохладно. Кирпичные стены, приглушённый свет, виниловый проигрыватель на стойке. Играл какой-то старый блюз, низкий и тягучий. Пахло деревом, виски и чем-то сладким. Не то ванилью, не то табаком для трубки. Посетителей было мало: пара за дальним столиком, ещё кто-то у окна. Бармен — худощавый парень с дредами протирает стаканы.

Иван стоял за барной стойкой.

Ульяна замерла на полпути. Она не сразу его узнала. Он был без костюма. Впервые.

Вместо пиджака и рубашки простая чёрная футболка с коротким рукавом, открывавшая руки. И руки эти были совсем не такими, какими она их представляла под дорогими тканями. Мышцы проступали чётко, но не выпяченно. Боец, не качок. Татуировки геометрические, чёрно-белые. Они покрывали предплечья и уходили под короткие рукава. На сгибе локтя виднелся старый шрам. Похожи на мои, подумала Ульяна. Её тату перекрывали большую часть руки и бедра.

— Ты пришла.

— Ты в футболке, — сказала она вместо приветствия.

— Жарко.

— Тут прохладно.

— Значит, мне не жарко, — он пожал плечами. — Проходи. Что будешь пить? У меня есть горячий шоколад. Специально для тебя.

— Ты держишь горячий шоколад в баре?

— Нет. Купил сегодня утром.

Ульяна прошла к стойке и села на высокий барный стул. Парень налил ей напиток, а себе что-то прозрачное с тоником. Он двигался за стойкой так же, как раньше в её магазине. Плавное, уверенно, словно каждая вещь в этом баре была продолжением его рук.

— Итак, — сказала она, обхватывая кружку ладонями. — Ты обещал «проверить по своим каналам».

— Проверил. — Он оперся локтями о стойку, оказавшись к ней ближе. — Та кофта пришла из большой партии вещей, которую продала одна семья. Точнее мать погибшей.

— Мать?

— Да. Продала вещи дочери после её смерти. Сказала, что не могла на них смотреть. Партию разбили на несколько точек. Часть ушла к тебе. Часть по другим секонд-хендам.

— Значит, можно найти другие вещи? — Ульяна подалась вперёд. — Вещи других жертв? Если на них такой же «след», я смогу увидеть больше. Убийцу. Его лицо.

— Можно, — кивнул Иван. — Я уже нашёл один контакт. Женщина, сестра второй жертвы. Она согласилась поговорить. У неё остались вещи сестры, которые она не продала. Мы можем поехать сегодня.

— Мы?

— Ты и я. Если, конечно, ты не хочешь провести остаток дня, глядя на кофту.

Ульяна прищурилась. Он снова говорил «мы». И снова это звучало так, будто всё уже решено.

В этот момент из подсобки вышел бармен. Тот самый, с дредами. Он был бледен, двигался как-то дёргано, а в руках держал телефон.

— Вань, я не могу, — сказал он с порога, и его голос сорвался. — Я не могу там быть. Там опять. Это. Оно везде.

Он говорил сбивчиво, глотал слова. Его пальцы дрожали, телефон чуть не выпал. Ульяна заметила, как на его висках выступили капли пота, как дёргается кадык.

— Макс, — спокойно сказал Иван. — Давай по порядку.

— Нет никакого порядка! — почти выкрикнул Макс, и его глаза наполнились слезами. — Я убирался в подсобке и нашёл её заколку. Она лежала прямо на коробке, как будто... как будто кто-то её туда положил. Я не могу. Вань, я не могу.

Иван обошёл стойку и подошёл к бармену. Ульяна замерла. Она видела, как Иван положил руку на плечо Макса. Спокойно, без резких движений, словно успокаивал испуганное животное.

И тут произошло то, чего она не ожидала.

От плеча Макса, от того места, где лежала ладонь Вани начал разливаться свет. Не яркий, не ослепляющий — скорее, мерцающий, как лунная дорожка на воде. Он пульсировал, перетекал, поднимался от Макса и втягивался в руку Ивана. Лицо парня на мгновение стало другим. Оно стало сосредоточенным, почти отстранённым, как у человека, который пьёт что-то очень горячее и не хочет обжечься.

Макс замер. Его дрожь утихла. Дыхание выровнялось. Слёзы остановились.

— Всё, — сказал Иван негромко. — Это просто заколка. Она не может тебе навредить. Ты устал. Иди домой. Я сам закрою бар.

Макс кивнул растерянно, но уже спокойно. Пробормотал «спасибо» и вышел, не оглядываясь.

В баре повисла тишина. Только блюз всё так же тянул свои низкие ноты из динамиков.

Ульяна смотрела на Ивана во все глаза.

— Что. Это. Было? — произнесла она отдельно, выделяя каждое слово.

Иван вернулся за стойку. Налил себе ещё тоника. Помолчал.

— Я эмпат, — сказал он наконец. — Ты уже догадалась.

— Я догадалась, что ты что-то со мной делаешь, когда прикасаешься. Но я не видела... вот этого. — Она указала туда, где только что стоял Макс. — Света.

— Потому что когда я работаю с тобой, я делаю это мягче, — он усмехнулся уголком губ. — Ты мне нравишься, детка. Я стараюсь быть нежным. — Подмигнул он.

Ульяна соскочила с места, тут же хотела поднять крик. Но он схватил её за руку и вся паника ушла.

— О боже, как ты... что ты... ты что, какой-то чёртов маг?! Что ты делаешь?!

Она пыталась возмущаться, но её тело пронизывало спокойствие, несвойственное для этой ситуации.

— Так-то лучше, — сказал он. — Я эмпат. А ещё твои эмоции такие яркие и сочные...

— Не переводи тему. Ты питаешься этим? Эмоциями?

— Можно сказать и так. — Он пожал плечами, но его глаза смотрели на неё внимательно, выжидающе. — Я слабый эмпат, Уль. Очень слабый. Я не читаю мысли, не управляю настро-

ением, не могу заставить человека делать то, что он не хочет. Ну почти. Я просто забираю избыток. Успокаиваю. А сам... заряжаюсь. Как батарейка.

— Поэтому тебе нравится быть рядом со мной, — медленно сказала она. — Я эмоциональная.

— Очень. Слишком. — Он улыбнулся шире. — Ты самый яркий источник в этом городе. Я почувствовал тебя, как только ты поселилась через пару улиц. Наведывался в магазин, тихонько, пару раз в неделю, и...

— Питался моими эмоциями! Да ты чёртов псих!

Ульяна замолчала. В голове крутились десятки вопросов, но один перекрывал все остальные.

— Почему ты не сказал мне сразу?

— Потому что ты бы мне не поверила. А если бы поверила — испугалась бы. А мне нужно было, чтобы ты мне доверяла. Хотя бы немного. Хотя бы настолько, чтобы позвонить, когда кофта вернётся.

— Ты использовал меня. — Это прозвучало резче, чем она хотела.

— Нет. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — Я приходил к тебе задолго до кофты. Месяцами. Просто стоял у стойки с рубашками и слушал, как ты двигаешься. Ты даже не замечала. Я ничего от тебя не хотел, кроме как побыть в окружении этих... эмоций. Всё остальное случилось само. А когда я увидел тебя на полу, с этим ужасом в глазах, я понял, что просто брать больше не могу. Ты была не просто источником — ты стала человеком, за которого я испугался.

— Я всё ещё не могу в это поверить. И я зла. С чего бы мне доверять тебе? Мы едва знакомы!

Она хотела ещё что-то возразить, но не нашла слов.

— Ладно, — сказала она наконец. — Допустим. Допустим, у меня есть дар, о котором я не подозревала. Допустим, ты эмпат, который питается моими истериками. Допустим, в городе маньяк с дурацким прозвищем. Допустим, мы в грёбанном телешоу про магов... — она немного помолчала. — Но у меня есть дело. Что дальше?

— Дальше мы едем к сестре второй жертвы, — он вытер руки полотенцем и вышел из-за стойки. — У неё есть вещи сестры. Если твой дар сработает, ты увидишь что-то ещё.

Он взял с вешалки у выхода лёгкую куртку.

— А если не сработает?

— Тогда будем думать дальше. Но надо попробовать.

Ульяна допила шоколад и встала.

— Ладно. Но если я снова впаду в транс, а ты меня не вытащишь — я тебя убью. Эмпат фигов.

— Договорились, — он улыбнулся.

— И ещё. — Она встала со стула и обернулась. — Больше никогда не смей без разрешения пить мои эмоции.

Сестра второй жертвы жила на окраине города, в старой пятиэтажке с облупленными балконами. Её звали Марина. Женщина лет сорока, с уставшим лицом и тёмными кругами под глазами. Она встретила их на пороге, молча провела в комнату и указала на картонную коробку в углу.

— Это всё, что осталось от Лены, — сказала она глухим голосом. — Я не могла это выбросить. И не могла оставить. Лежит, как... не знаю. Как памятник.

Женщина вышла из комнаты.

— Напомни-ка, как ты уговорил её впустить незнакомых людей сюда? — Уля прищурила глаза.

— Я сказал, что мы помогаем семьям жертв и собираем информацию для частного расследования. Ну, и немного обаяния.

Ульяна закатила глаза.

Она опустилась на колени перед коробкой. Ваня стал у неё за спиной.

— Я попробую, — сказала она. — Но я не знаю, что получится.

— Просто прикоснись.

Она запустила руку в коробку. Шарф. Свитер. Старая книжка в потрёпанной обложке. Косметичка.

Ульяна коснулась её.

И мир рухнул в третий раз за два дня.

Она увидела другую девушку. Не ту, из парка. Этой было чуть за тридцать. Она сидела у окна и красила губы, глядя в маленькое ручное зеркальце. На плечах был платок. За окном шёл дождь. В комнате играла музыка, что-то из восьмидесятых. Женщина улыбалась своему отражению. Она ждала кого-то.

Потом темнота. Та же комната, но теперь перевёрнутая. Зеркальце на полу, разбитое. Платок бросился в глаза. Шёлковый. Ярко-синий, с жёлтыми цветами. Ткань была прохладной и гладкой. Он был сдёрнут с плеч и брошен в угол. Женщина больше не сидит у окна. Она на полу. И над ней тёмная фигура. Снова форменная куртка. Снова руки в перчатках. И плёнка, натянутая на лицо.

— Смотри. Вот твой страх. Прими его, — голос тот же, низкий, без интонаций.

Цифра на осколке — «2».

Ульяна очнулась на руках у Ивана. Он держал её за плечи, и тепло его ладоней возвращало её обратно в комнату, к свету, к голосу Марины, которая испуганно спрашивала: «Что с ней? Что происходит?»

— Всё хорошо, — сказал Иван, и Ульяна поняла, что он говорит одновременно и Марине, и ей. — Она в порядке. Просто дыши.

Она дышала. Медленно. Ритмично.

— Две жертвы, — прошептала она. — Я видела двух. Первая — цифра «1». Вторая — цифра «2». Третья — та, чья кофта у меня, — была с цифрой «1». Это не номера по порядку. Это что-то другое.

Иван помог ей подняться.

— Потом разберёмся. Сейчас главное, что ты в порядке?

— В порядке, — она отряхнула джинсы. — Почти.

Они попрощались с Мариной, пообещав сообщить, если что-то узнают. В машине, когда Иван выруливал на шоссе, она вдруг сказала:

— А знаешь, что странно? На обоих видениях одна и та же форма. Куртка, перчатки, нашивки. Убийца — кто-то из системы.

— Или кто-то, кто хочет так выглядеть, — заметил Иван.

— Зачем?

— Чтобы запутать следствие. Или чтобы чувствовать себя частью системы. Маньяки часто одержимы властью. Униформа — символ власти.

Ульяна задумалась. Символ власти. Человек, который заставляет жертв смотреть в зеркало. Который оставляет осколки с цифрами. Который...

Ваня вёл машину молча. Ульяна сидела, отвернувшись к окну, и смотрела на проплывающие мимо мокрые улицы. В голове крутились обрывки видений — парк, зеркала, заколка, платок, лицо Лены, лицо той, первой, той, чьё имя она так и не узнала.

И голос. «Смотри на себя. Ты прекраснее, чем когда-либо».

Она поёжилась и плотнее запахнула куртку. Иван покосился на неё, но ничего не сказал.

Машина остановилась у магазина. Окна «Второго дыхания» были тёмными. Ульяна так и не включила свет перед уходом. Это было странно: обычно она оставляла хотя бы ночник, чтобы витрина не выглядела мёртвой. Но сегодня она думала о другом.

— Зайдёшь? — спросила она, отпирая дверь.

— Если приглашаешь.

— Я не приглашаю, я спрашиваю.

— Тогда да.

Внутри было холодно. Магазин выглядел так же, как утром, — коробки у стены, вешалки с одеждой, прилавок с кружкой из-под утреннего напитка. И кофта. На своём месте. Ждала.

Парень снял пальто и повесил его на вешалку у входа.

— Есть хочешь? — спросила она.

— Не откажусь.

— Тогда приготовь. Я устала. Холодильник наверху.

Он приподнял бровь, но спорить не стал. Снял пиджак, оставшись в рубашке, и поднялся по лестнице на второй этаж. Ульяна слышала, как он гремит посудой, и почему-то этот звук успокаивал. Как будто в её квартире наконец-то появился кто-то, кто знает, что делать.

Она подошла к его пальто — просто чтобы перевесить на другую вешалку. И замерла.

Из кармана торчал край ткани. Шёлк. Синий с жёлтым.

Ульяна застыла. В висках застучало.

Она медленно, очень медленно вытянула платок из кармана. Тот самый. Тот, который она видела. Платок Лены.

В голове одновременно взорвались все мысли. Как он мог? Зачем? Он знал? А если он... если он и есть... Зачем ему эта вещь?

Она не додумала. Иван спустился с лестницы — в руках две тарелки с остатками вчерашних макарон, которые он разогрел. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но осёкся, увидев её лицо.

— Уля?

— Что это? — её голос прозвучал глухо и страшно.

— Что — это?

— Это! — она вскинула руку, и платок развернулся в воздухе, как знамя. Синий шёлк с жёлтыми цветами. — Платок Лены! Второй жертвы! Я видела его на ней! А теперь нахожу в твоём кармане!

Иван побледнел. Тарелки звякнули, когда он поставил их на прилавок.

— Ульяна, это не то, что ты думаешь...

— Не то?! — она шагнула к нему, сжимая платок в кулаке. — Ты хранишь вещь убитой девушки в своём кармане! Ты знаешь детали убийств! Ты появляешься в моём магазине именно тогда, когда я нахожу кофту! Ты успокаиваешь меня своей чёртовой магией, чтобы я не задавала вопросов! И ты говоришь, что это не то, что я думаю?!

— Уля, послушай...

— Нет, это ты послушай! — Она ткнула пальцем ему в грудь. — Ты говорил, что хочешь помочь. Ты возил меня к сестре жертвы, ты держал меня за руку, ты заваривал мне чай! А сам всё это время...

Он схватил её за плечи. Резко. Сильно.

— Ульяна, замолчи.

— Не смей...

Он развернул её и прижал спиной к стене. Не грубо, но жёстко, всем телом, заслоняя собой. Его ладонь легла ей на рот.

— Тихо, — прошептал он ей в самое ухо. — Не кричи. Там, за окном. Кто-то стоит.

Ульяна замерла. Гнев схлынул мгновенно, уступив место ледяному страху. Она перевела взгляд на окно. За мокрым стеклом, в тусклом свете уличного фонаря, она увидела тень. Человеческую. Тёмный силуэт стоял на другой стороне улицы и смотрел. Прямо на них. Платок выпал из рук.

Ваня не шевелился. Его рука всё ещё лежала на её плече, и она чувствовала, как от его ладони расходится тепло. На этот раз не успокаивающее, а настороженное, собранное, как сжатая пружина.

Тень за окном качнулась. Сделала шаг. И растворилась в темноте.

Они стояли так ещё минуту. Две. Три. Иван убрал руку с её рта. Отступил на шаг.

— Ушёл, — сказал он.

Ульяна сползла по стене. Ноги не держали.

— Кто это был?

— Не знаю. Но он следил за нами от самого дома Марины. Я заметил его ещё на шоссе — тёмная машина, без номеров. Не хотел тебе говорить, чтобы не пугать.

— А сейчас, значит, решил напугать? — она истерически усмехнулась. — Прижал меня к стене, как в дешёвом детективе!

— Зато ты перестала кричать.

— Я думала, что ты убийца!

— Я не убийца. — Он опустил на корточки перед ней. — Я просто идиот, который не рассказал тебе про платок.

— Рассказывай сейчас. — Она смотрела на него в упор. — Быстро. Чётко. Без фокусов.

Иван выдохнул, провёл рукой по волосам.

— Я купил этот платок на барахолке. Месяц назад. Ещё до того, как ты нашла кофту. Он был в куче других вещей, которые продавала какая-то женщина. Я не знал, что это вещь жертвы. Клянусь. Но когда я его коснулся, я почувствовал... — Он поморщился, подбирая слово. — Боль. Страх. Такой сильный, что меня чуть не вывернуло. Я не мог его там оставить. Я купил его и принёс домой. Думал очистить. Снять остаточные эмоции. Но у меня не получилось. След был слишком глубоким.

— Ты хранил его месяц, — сказала Ульяна. — И ничего мне не сказал.

— Я не знал, что ты существуешь. А когда узнал — не знал, как сказать.

— А зачем ты его вообще купил? Зачем тебе «очищать» вещи?

Иван помолчал. Потом посмотрел ей в глаза.

— Потому что я чувствую их, Уля. Чувствую то, что чувствовали люди, которые их носили. Не так, как ты, — я не вижу картин. Но я ощущаю эмоции. Каждую чёртову эмоцию, которая впилась в ткань. И если это плохая смерть — я не могу пройти мимо. Меня это... — он запнулся, — ломает.

Ульяна смотрела на него и впервые за всё время видела не самоуверенного парня с дурацкими шутками, а человека, который тащит на себе груз, намного превышающий его силы.

— Ладно, — сказала она наконец. — Допустим, я тебе верю.

— Спасибо.

— Но если ты ещё раз что-то от меня скроешь...

— Убьёшь меня. Знаю.

— Нет. — Она покачала головой. — Просто уйду. И ты больше никогда не сможешь питаться моими «сладкими эмоциями». А это, — она криво усмехнулась, — страшнее смерти. Для тебя.

Он не улыбнулся в ответ. Просто кивнул.

Они поели в молчании. Макароны были невкусными, но Ульяна заставила себя проглотить свою порцию. Когда тарелки опустели, она отодвинула стул и встала.

— С чего начнём расследование? — спросила она.

— Ты... хочешь продолжать?

— А ты думал, я сдамся после того, как ты меня чуть не придушил у стенки? — она хмыкнула. — Ну уж нет. Теперь это дело принципа. У нас три жертвы, три цифры, которые не совпадают, маньяк в форме и кто-то, кто следит за нами. Мне это не нравится.

— Мне тоже.

— Значит, завтра с утра едем на барахолку. Поговорим с продавцами. Узнаем, откуда пришли вещи первой и второй жертв. Если повезёт — найдём что-то ещё.

— С утра, — повторил Иван. — Ты вообще спишь по ночам?

— Плохо, — призналась она. — Но это не твоя забота.

— Вообще-то моя. Если ты не выступишься, будешь ещё более эмоциональной. А я не хочу, чтобы ты сорвалась посреди барахолки.

— То есть ты заботишься обо мне ради своего комфорта?

— Разумеется. — Он улыбнулся. — Я же эмпат-эгоист.

Ульяна фыркнула.

— Ладно. Иди домой. Завтра в девять. И не опаздывай.

— В девять? — он поморщился. — Детский сад какой-то.

— Вот и не ворчи. Ты младше меня, так что терпи.

— Ты никогда не забудешь про эти пять лет, да? — Ваня притормозил у двери.

— Никогда. — Она встала и открыла ему дверь. — Это теперь моя любимая тема для шуток.

Иван взял пальто, проверил карманы — платка там больше не было, — и вышел на крыльцо. У двери обернулся.

— Уля.

— Что?

— Если тот человек, что стоял за окном, — это убийца, то он знает, где ты живёшь. Запри дверь. И если что — звони.

— Дверь я запираю с первого этажа, а живу на втором. Разница есть. Но спасибо.

— Не за что.

Она закрыла за ним дверь. Задвинула засов. Выключила свет и поднялась наверх.

В спальне было темно и тихо. Она легла в кровать и уставилась в потолок. В голове крутились обрывки дня: свет, льющийся от бармена, пальцы Ивана на её плечах, платок Лены, тень за окном. И голос девушки из сна: *«Помоги»*.

«Я пытаюсь, — подумала она. — Честное слово, пытаюсь».

ГЛАВА 4. НИТИ

Никаких кошмаров. Никаких зеркал. Никаких голосов. Просто пасмурное утро и тихий перестук капель по карнизу.

«Уже неплохо», — подумала Ульяна.

Спустилась в магазин, проверила кофту — висит. Вчерашний платок она решила закинуть в дальние коробки. Хватит и одной жуткой вещи.

В такую погоду нормальные люди сидят по домам, а не едут на барахолку искать вещи мертвецов. Но она, видимо, уже не была нормальной. Если вообще когда-то была.

Ровно в девять в дверь постучали. Ульяна открыла. Ваня стоял на пороге без костюма. В тёмных джинсах и сером худи. Волосы влажные после дождя, в руке два стакана из ближайшей кофейни. Один он протянул ей.

— Горячий шоколад. Сойдёт?

— Сойдёт, — она взяла стакан, и их пальцы соприкоснулись. На этот раз никакого тепла — видимо, он сдержал обещание не использовать свой дар без спроса. Она оценила.

— Ты готов? — спросила она.

— Всегда готов. Куда сначала?

— На барахолку. Хочу найти точку, куда пришли вещи первой жертвы. Если повезёт, то узнаем, кто их сдал.

Барахолка располагалась на окраине города — огромный крытый рынок, где пахло пылью, старыми книгами и сырой одеждой. В такую погоду продавцы лениво кутались в пледы и нехотя отвечали на вопросы. Но Иван, казалось, знал здесь всех. Он переходил от прилавка к прилавку, перекидывался с торговцами парой фраз, и они охотно отвечали.

— Ты тут как рыба в воде, — заметила Ульяна, когда очередной продавец махнул им в сторону дальнего ряда.

— Я скупаю здесь одежду. Для себя и немного для перепродажи. Плюс для бара — всякий винтаж, который создаёт атмосферу. У меня связи.

— У тебя знакомства на барахолке, в полиции. Свои "каналы связи" везде. В двадцать пять? — хмыкнула Уля.

— В двадцать пять лет можно иметь связи где угодно, если ты обаятельный.

— Ты не обаятельный, ты наглый.

— Это одно и то же.

Ульяна закатила глаза, но ничего не ответила.

Через час они нашли нужную точку. Пожилая женщина в цветастом платке подтвердила: да, партия вещей пришла около месяца назад. Сдала их женщина средних лет. У неё были тёмные волосы, уставшее лицо, назвалась Верой.

— Вера — это мать первой жертвы, — тихо сказал Иван, когда они отошли от прилавка. — Я проверял. Первая жертва — Алина, двадцать четыре года. Мать после её смерти продала всё, что о ней напоминало. Не могла находиться в одной квартире с этими вещами.

— Я её понимаю, — сказала Ульяна, думая о кофте в своём магазине.

— Хочешь с ней поговорить?

— Сначала вещи. Мне нужно коснуться чего-то, что принадлежало Алине.

Они нашли вещи первой жертвы в том же ряду. Старая джинсовая куртка с вышивкой на воротнике. Ульяна купила её за триста рублей. Продавец даже не спросила зачем.

— Давай выйдем, — сказала она. — Не хочу устраивать представление на людях.

Они вышли под навес, где никого не было. Иван встал рядом, готовый в любой момент подхватить её. Ульяна коснулась куртки.

Видение пришло не сразу. Сначала была только прохлада ткани. А потом мир развернулся, как старая киноплёнка.

Девушка. Алина. Совсем молодая, младше Ульяны. Она стояла перед зеркалом в примерочной и крутилась, разглядывая себя в этой самой куртке. Улыбалась. На губах — дешёвая розовая помада. В ушах — наушники, из которых доносился приглушённый бит. Она танцевала, не замечая ничего вокруг.

А потом темнота. Та же комната, но теперь зеркало разбито. Куртка сдёрнута с плеч и брошена в угол. Алина на полу. Плёнка на лице и голос.

Опять эта фраза.

Цифра на осколке — «1».

Ульяна очнулась, судорожно хватая ртом воздух. Парень держал её за плечи, но тепло не пускал, просто держал.

— Три из трёх, — прошептала она. — Я видела всех трёх жертв. Алина — первая. Лена — вторая. И та, чья кофта, — третья. Но цифры...

— У третьей тоже цифра «1», — закончил он.

— Это не номера жертв. Это что-то другое. Может, порядок ритуала. Может, какая-то классификация. Я не знаю.

— Узнаем, — сказал он. — Теперь у нас есть три вещи и три видения. Этого мало, но это больше, чем ничего.

Они вышли с рынка и направились к машине. Дождь усилился. Ульяна куталась в куртку, но холод шёл не снаружи, а изнутри. От воспоминаний. От голоса, который она теперь слышала даже наяву.

В машине она повернулась к Ивану.

— Теперь твоя очередь.

— Что?

— Рассказывать. Ты знаешь обо мне много — ну, или почти достаточно. А я о тебе — только то, что ты эмпат и что ты ворующь мои эмоции. Этого недостаточно.

Иван включил зажигание, но не тронулся с места. Смотрел прямо перед собой, на мутное от дождя лобовое стекло.

— Что ты хочешь знать?

— Откуда у тебя этот дар? Ты родился с ним? Как ты его получил?

Он долго молчал. Ульяна уже думала, что он не ответит, но он заговорил. Тихо, без обычной усмешки в голосе.

— Это наследственное. У моего отца был такой же. Только сильнее. Он мог влиять на людей — не просто успокаивать, а менять их настроение, желания. Он был... опасным человеком.

— Был?

— Умер. Когда мне было двенадцать. Мать ушла раньше, не выдержала. Она не была эмпатом, но жить с человеком, который всегда знает, что ты чувствуешь, — это пытка. Она сбежала, когда мне было шесть. Я её не виню.

Ульяна молчала.

— Отец остался один со мной. Он пытался учить меня контролю, но я был слабым. Очень слабым. Мои способности едва работали. Отец злился. Он говорил, что я позорю семью. А потом он умер. Инфаркт. И я остался один.

— В двенадцать лет? Кто тебя воспитывал?

— Никто. Была тётка, но она жила далеко и не горела желанием возиться с проблемным племянником. Меня определили в интернат. Там было... — он усмехнулся невесело. — Там было весело. Подростки с гормонами, куча агрессии. Я не мог контролировать свои способно-

сти и меня постоянно накрывало чужими эмоциями. Чужая злость, чужой страх, чужая боль. Это сводило с ума.

— Как ты справился?

— Бокс. Джиу-джитсу. Всё, что угодно, лишь бы уставать физически. Если тело измотано, голова молчит. Ну, или хотя бы орёт тише.

— Поэтому ты такой... — она неопределённо повела рукой.

— Какой?

— Подтянутый.

— Тебе нравится? — он улыбнулся — уже привычной, чуть нахальной улыбкой, — и Ульяна поняла, что он возвращается из своих мрачных воспоминаний обратно к ней.

— Я просто констатирую факт. Не обольщайся.

— Я всегда обольщаюсь. Это часть моей привлекательности.

— Это часть твоей наглости.

— Я же говорил — одно и то же.

Она покачала головой, но уголки губ дрогнули.

— Ладно, — сказала она. — Спасибо, что рассказал.

— Ты просила.

— Я знаю. Но всё равно спасибо.

Он кивнул и наконец тронул машину с места. Они ехали молча, и Ульяна думала о мальчике, который в двенадцать лет остался один, с даром, который не мог контролировать, и с отцом, который считал его позором. О том, как он научился драться, чтобы не слышать чужих эмоций. О том, что татуировки на его руках закрывают шрамы — и, возможно, не только физические.

А ещё она думала о том, что теперь понимает его чуть лучше.

Телефон завибрировал в кармане. Ульяна глянула на экран: «Карина».

— Чёрт, — прошептала она.

— Что?

— Подруга. Звонит уже третий раз за два дня. Я не отвечала.

— Ответ сейчас. Я не подслушиваю.

Ульяна вздохнула и сняла трубку.

— Уля! Ну наконец-то! Ты где пропадаешь? Я тебе звоню, звоню, а ты как сквозь землю!

— Прости, Карин. Замоталась. Дела, магазин...

— Какие дела? У тебя голос усталый. Ты ешь вообще? Спишь?

— Сплю. Иногда.

— Так, всё. Сегодня вечером встречаемся у «Марко». Я закажу нам пасту и вино, и ты мне всё расскажешь. У тебя что-то случилось, я же чувствую.

Ульяна покосилась на Ивана. Тот смотрел на дорогу, но она знала: он всё слышит.

— Карин, я не могу сегодня. Правда. У меня... дела.

— Какие дела? Уля, ты уже взрослая женщина, у тебя не может быть «дел» в восемь вечера. У тебя либо мужчина, либо ты спасаешь мир. Что из этого?

Ульяна чуть не рассмеялась. Если бы Карина знала, насколько она близка к истине со вторым вариантом.

— Ни то, ни другое, — соврала она. — Просто... новый проект. Связанный с магазином. Я расскажу тебе позже, обещаю.

— Ладно, — голос подруги стал серьезнее. — Но если тебе нужна помощь — ты знаешь, я всегда рядом. Даже если ты просто хочешь поплакаться в жилетку. И, Уль... я тут вспомнила кое-что. Тот парень, что заходил к тебе пару раз, — блондин в костюме. Мы о нём говорили. Он спрашивал о тебе. Ну, знаешь, не прямо спрашивал, но как-то странно интересовался, давно ли

ты держишь магазин, одна ли живёшь. Я тогда не придавала значения, а теперь в свете всех этих новостей про маньяка... Это, наверное, ерунда, но ты будь осторожнее с незнакомцами, ладно?

Ульяна бросила взгляд на Ивана. Тот напрягся, но промолчал.

— Спасибо, Карин. Я учту.

— Всё, беги по своим делам. Но в пятницу я тебя вытащу. Это не обсуждается.

— Договорились.

Ульяна нажала отбой и откинулась на сиденье.

— Лучшая подруга? — спросил Иван.

— Единственная. Она меня с пятнадцати лет знает. Если бы не она... — Ульяна помолчала. — Она говорит, что ты спрашивал обо мне. Давно. Ещё до всей этой истории.

Иван помолчал, потом кивнул:

— Спрашивал. Не как ты думаешь — я не следил за тобой в том смысле, в каком следит он. Я просто... хотел знать, кто ты. Почему твои эмоции такие яркие. Одна ли ты. Я же говорил: я почувствовал тебя ещё когда ты только поселилась в этом районе. Пришёл в магазин — и просто... застрял. А потом увидел твою подругу, разговорился. Она сказала, что ты владелица, что работаешь одна. Я не выведывал, а просто слушал.

— А то, что ты расспрашивал Карину обо мне, — это нормально?

— Нет. Это странно. Но я странный. Это данность.

Ульяна покачала головой, но уголки губ дрогнули помимо её воли. Она злилась, но не так сильно, как ожидала.

— Ладно, — сказала она. — Пока оставим это. Но когда всё закончится, мы вернёмся к этому разговору.

— Когда всё закончится, я расскажу тебе всё, что ты захочешь знать. Обещаю.

Они поехали через город. Дождь снова начал накрапывать. Где-то впереди лежала дорога к дому матери первой жертвы. Где-то позади остались три платка, три видения и три цифры на осколках. А где-то в тени, возможно, всё ещё стоял тот, кто следил за ними от дома Марины.

Но она была не одна в этой ситуации. И это было хорошо.

Ему десять, и он учится прятаться.

Не физически, физически спрятаться от матери невозможно. Она находит его везде: в шкафу, под кроватью, в чулане, на чердаке. Кажется, она чувствует его запах, слышит его дыхание, знает его мысли. Он учится прятаться внутри себя. Учится улыбаться, когда хочется плакать. Учится молчать, когда хочется кричать. Учится смотреть в пол, когда хочется смотреть в глаза.

Школа не спасает. В школе он странный мальчик, который слишком хорошо учится и слишком мало разговаривает. Учительница однажды спросила, откуда у него синяки на руках. Он сказал: упал с велосипеда. У него не было велосипеда.

Дома мать продолжает свой бесконечный монолог. Она говорит о том, каким никчёмным был его отец. О том, как она пожертвовала ради него своей жизнью, своей карьерой, своей красотой. О том, что он должен быть благодарен. О том, что он никогда не будет достаточно хорош ни для неё, ни для кого-либо ещё.

Однажды она застаёт его перед зеркалом. Он просто смотрит на себя, как все дети смотрят, — но она интерпретирует это по-своему.

— Ты думаешь, ты красивый? — спрашивает она. В её голосе — насмешка, смешанная с чем-то ещё. С чем-то, похожим на ревность. — Ты думаешь, ты особенный?

— Нет, — отвечает он.

— Правильно думаешь. — Она подходит ближе, встаёт позади него, кладёт руки ему на плечи. В зеркале отражаются они оба: высокая жениcina с чёрными волосами и бледный мальчик с её глазами. Она наклоняется к его уху и шепчет — тихо, почти интимно:

— *Смотри на себя. Ты прекраснее, чем когда-либо. Но этого недостаточно. Этого никогда не будет достаточно.*

Он вздрагивает. Слова врезаются в память. Странные, неожиданные, одновременно пугающие и завораживающие. Она говорит это так, будто делает комплимент и угрожает одновременно. Будто признаётся в любви и выносит приговор.

— *Ты никогда не будешь достаточно хорош, — продолжает она. — Но я не оставляю тебя. Я всегда буду рядом. Я всегда буду в тебе. Смотри на себя. Смотри.*

Он смотрит. И ненавидит. И запоминает каждое слово.

ГЛАВА 5. ВЕРА

Дом Веры стоял на окраине, в частном секторе, где улицы носили названия цветов, а заборы давно не красили. Но до того, как они туда попали, Ульяна успела пережить короткий, но бурный приступ паники.

— Я не могу просто так закрыть магазин, — сказала она, когда Иван уже выруливал на главную дорогу. — У меня покупатели. У меня аренда, налоги, обязательства. Если я буду мотаться по всему городу, кто будет торговать?

— У тебя есть помощница?

— Нет. Я не могу позволить себе сотрудника на полный день.

— Значит, повесь табличку «Технический перерыв». Или «Учёт». Что угодно.

— «Учёт», — фыркнула она. — Звучит как отмазка. Люди подумают, что я прогорела.

— Люди подумают, что ты занята. Это нормально.

— А твой бар? — она повернулась к нему. — Ты тоже мотаешься со мной вторые сутки. Кто там за старшего?

— Макс.

— Макс?! — Ульяна чуть не поперхнулась. — Тот парень, который истерил из-за заколки? Ты оставил бар на сумасшедшего?

— Он не сумасшедший, — спокойно ответил Иван. — Он просто... чувствительный.

— Он рыдал из-за заколки!

— У него была тяжёлая осень. Его девушка ушла, оставила кучу своих вещей в подсобке, и он до сих пор не может это пережить. Заколка была её.

Ульяна замолчала. Она вспомнила лицо Макса — бледное, с трясущимися губами, — и что-то внутри кольнуло.

— Почему ты не сказал раньше?

— А какая разница? Он справляется. Просто иногда его накрывает. В баре сейчас тихо, посетителей мало. Он не напортачит.

— А если напортачит?

— Тогда я разберусь. Но пока он в порядке. Я ему доверяю.

Ульяна хмыкнула, но промолчала.

Машина остановилась у покосившихся ворот. Уля вышла первой, подняла воротник куртки и огляделась. Место было тихое, почти безлюдное. Мокрые ветки свисали над забором, и с них капало.

— Ты уверена, что хочешь идти? — спросил Ваня, захлопывая дверцу.

— Нет. Но мы уже здесь.

Она нажала кнопку звонка. Где-то в глубине дома раздалась трель. Прошло полминуты, потом дверь открылась.

На пороге стояла женщина. Та самая, с барахолки. Тёмные волосы с проседью, глубокие морщины вокруг рта, глаза, которые видели слишком много и уже ничему не удивлялись. Вера. Мать Алины.

— Вы кто? — спросила она без враждебности, но и без приветливости.

— Меня зовут Ульяна. Это Иван. Мы... — Ульяна запнулась. — Мы по поводу вашей дочери. Алины.

Лицо женщины дрогнуло. На секунду в глазах мелькнуло что-то — боль, надежда, недоверие, — но тут же исчезло.

— Вы из полиции?

— Нет. Мы... частное расследование.

— Журналисты?

— Нет. Просто люди, которые хотят помочь.

Вера долго смотрела на неё. Потом отступила вглубь прихожей.

— Проходите.

— Спасибо, — пробормотал Ваня и слегка коснулся руки женщины. Успокаивая.

В доме пахло старостью — не в плохом смысле, а так, как пахнут дома, где живут пожилые люди. Сушёные травы, старая мебель, немного сырости. Вера провела их в гостиную и указала на диван. Сама села в кресло у окна и сложила руки на коленях.

— Что вы хотите знать?

Ульяна переглянулась с Иваном.

— Мы хотели бы поговорить об Алине. О том, что случилось. И о вещах, которые вы продали.

— Вы уже трети, кто приходит, — сказала Вера устало. — Сначала полиция. Потом журналисты. Теперь вы. Что вам нужно от мёртвой девочки?

— Мы пытаемся найти человека, который её убил, — сказал Иван. — И двух других.

Вера подняла на него глаза.

— Двух других?

— Лена и... ещё одна. Третья. Мы не знаем её имени.

— Третья, — повторила Вера. — Я читала про третью. Её нашли неделю назад.

— Её звали Света, — тихо сказала Ульяна. Имя пришло само — видимо, из видения, хотя она не помнила, чтобы слышала его. — Светлана. Она носила ту самую вишнёвую кофту. Мы нашли эту вещь в моём магазине. Поэтому я здесь.

Вера долго молчала. Потом встала и подошла к серванту. Достала старый фотоальбом, открыла на середине и протянула Ульяне.

— Это Алина.

С фотографии смотрела та самая девушка из видения. Живая, смеющаяся, с дурацкой розовой помадой и наушниками в ушах.

— Она была... очень жизнерадостной, — сказала Ульяна.

— Была, — кивнула Вера. — До того дня.

— Расскажите нам, — попросила Ульяна. — Всё, что помните. Даже мелочи. Даже то, что полиция не сочла важным.

И Вера рассказала.

Алина пропала вечером, три месяца назад. Ушла на встречу с подругой и не вернулась. Подруга сказала, что Алина до неё не дошла. Полиция искала плохо. Девушка взрослая, может, уехала. Тело нашли через неделю в заброшенном доме на окраине. Она сидела перед старым зеркалом. На лице была плёнка. Рядом — осколок с цифрой «1».

— Цифра была только одна? — спросил Иван.

— Одна. Я запомнила. Полицейские говорили, что у других жертв тоже были цифры. У второй — «два». А у третьей...

— У третьей тоже «один», — сказала Ульяна. — Мы не знаем почему.

Вера покачала головой.

— Он сумасшедший. Этот человек. Он что-то делает с ними. Что-то с их душами.

— Почему вы так думаете?

— Потому что Алина боялась зеркал. С детства. У неё была фобия. Спектрофобия называется. Она не могла смотреть на своё отражение в темноте. А он заставил её смотреть. Понимаете? Он знал. Он знал, чего она боится, и использовал это.

Ульяна почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Вы говорили об этом полиции?

— Говорила. Они сказали, что это совпадение.

— А про других жертв? У них тоже были фобии?

Вера поджала губы.

— Я не знаю. Но я спрашивала. У второй девушки, Лены, был страх замкнутого пространства. Её нашли в подвале, где потолок почти касался головы. А про третью... — она запнулась.

— Значит, он знает их, — закончил Иван. — Заранее. Изучает. Следит.

Повисла тишина. Ульяна вернула фотоальбом Вере. Когда их пальцы на мгновение соприкоснулись, перед глазами мелькнула короткая вспышка: осенний парк, смех, лицо Алины крупным планом, а затем — резкая смена, темнота, зеркало, и в отражении — мужская спина в форменной куртке. Видение длилось долю секунды и исчезло, оставив после себя холод в кончиках пальцев. Ульяна вздрогнула, но удержалась на ногах.

— Что? — тихо спросил Иван.

— Ничего. Просто... отголосок. Короткий, — она перевела дыхание. — Всё нормально.

— Спасибо, — сказала она Вере. — Это очень важно.

— Найдите его, — сказала Вера, и её голос дрогнул. — Пожалуйста. Найдите его. Не ради меня, а ради неё. Ради девочек.

— Мы сделаем всё, что сможем, — сказала Ульяна.

Они попрощались и вышли в морозящий дождь. Вера осталась стоять в дверях. Маленькая, одинокая фигура на фоне тёмного проёма.

В машине Иван завёл двигатель, но не тронулся с места.

— Фобии, — сказал он. — Он использует их страхи. Это меняет дело.

— Это значит, что он не просто маньяк, — ответила Ульяна. — Он кто-то, кто имеет доступ к личной информации жертв. Психолог. Врач. Или...

— Или полицейский, — закончил он. — Тот, кто может читать личные дела.

Они переглянулись. Мысль была страшной, но логичной.

— Нужно узнать, где работали жертвы, чем занимались, кто их окружал, — сказала Ульяна. — Что ты там говорил про связи?

— Говорил. Но на это уйдёт время.

— У нас его не так много. Если он знает, что мы его ищем...

— Он знает, — перебил Иван. — Тот, кто стоял за окном. Он знает.

— Поехали домой, — сказала она наконец. — Мне нужно подумать. И заодно проверю магазин. Я повесила табличку «Технический перерыв», но вдруг там уже очередь из разгневанных покупателей.

— В такую погоду? — Иван хмыкнул. — Скорее уж очередь из мокрых кошек.

— Ты не понимаешь. Это моё дело. Я его построила с нуля. Если оно рухнет, я останусь ни с чем.

— Не рухнет. Пара дней не сделают погоды.

— Ты так говоришь, потому что у тебя есть Макс.

— Макс — хороший бармен. Когда не рыдает.

— Вот именно. Когда не рыдает, — она покачала головой. — Ладно. Поехали.

В магазине было тихо. Никакой очереди, никаких разгневанных покупателей, только тишина и запах лаванды. Ульяна сняла мокрую куртку и повесила её у входа. Кофта висела на своём месте — вишнёвая, безучастная. Она прошла мимо неё, стараясь не касаться.

— Я заварю чай, — сказал Иван. — Тебе нужно согреться.

— Мне нужно не согреться, а подумать.

— Одно другому не мешает.

Он прошёл за прилавок и включил чайник. Ульяна опустилась на стул и уставилась в одну точку. Три жертвы. Три фобии. Зеркала, подвал, и что-то ещё у третьей, у Светы, — она не знала что. Убийца в форме. Цифры не по порядку. И кто-то, следивший за ними.

— Мне нужно попробовать ещё раз, — сказала она вдруг.

Иван обернулся.

— Что попробовать?

— Кофту. Я хочу увидеть больше. Может, там есть что-то, что я упустила.

— Ты уверена?

— Нет. Но у нас слишком мало зацепок.

Иван помедлил, потом кивнул.

Ульяна встала. Подошла к вешалке. Сняла кофту. Она была всё такой же мягкой, всё так же пахла лавандой. Она натянула её поверх футболки.

Вдох. Выдох.

На этот раз видение было короче, но ярче. Она снова была Светой. Снова парк, снова смех. Но теперь она заметила детали, которые ускользали раньше: в кармане кофты лежал маленький амулет — серебряная подвеска в виде глаза. Оберег от сглаза. У Светы, значит, был страх сглаза? Страх чужого взгляда?

А потом темнота. Но теперь, когда Света оказалась пристёгнутой к стулу перед зеркалом, Ульяна заметила ещё кое-что. На руке убийцы, державшей плёнку, был шрам. Тонкий, старый, пересекающий запястье. И ещё — запонка. Форменная запонка с каким-то значком.

— Смотри, — голос был ближе, чем раньше. — Не смей закрывать глаза.

А потом — крик Светы. И тишина.

Ульяна очнулась на руках у Ивана. Он держал её крепко, но без своей обычной магии — просто держал.

— Амулет, — прошептала она. — У неё был амулет от сглаза. И шрам. У убийцы шрам на запястье. И запонка с эмблемой.

— Какой эмблемой?

— Я не разглядела. Но это что-то официальное. Точно не просто украшение.

— Шрам на запястье, запонка с эмблемой, — повторил Иван. — Уже что-то.

— Это больше, чем у нас было час назад.

Ульяна стянула кофту. Под кофтой была только майка, та самая, которую она надела утром. Майка была с коротким рукавом, и руки Ульяны оказались открыты. Татуировки. Её собственные.

Иван проследил за её взглядом.

— Я не замечал их раньше, — сказал он.

— Я не показывала.

— Можно?

Она помедлила. Потом кивнула.

Иван подошёл ближе. Его пальцы коснулись её предплечья — легко, почти невесомо. Он провёл по линиям татуировки, повторяя их изгибы. Его прикосновение было тёплым, но не магическим, просто человеческим.

— Красивые, — сказал он тихо. — Что они значат?

— Это... — она запнулась. — Это долгая история.

— У нас есть время.

— Эта, — она указала на геометрический узор на левом предплечье, — символ поиска. Я сделала её, когда ушла с последней работы и поняла, что не знаю, куда иду. А эта, — она повернула правую руку, показывая тонкие линии, сплетающиеся в птицу, — свобода. Напоминание, что я могу улететь в любой момент. Даже если кажется, что не могу.

— А на бедре?

— Откуда ты... — она осёклась и усмехнулась. — Ну конечно. Ты видел.

— Я видел, — он улыбнулся той самой полуулыбкой. — Когда ты была в шортах. В первый день.

— Ты и правда наблюдательный.

— Я же говорил.

Она закатала край джинсовых шорт, показывая бедро. Татуировка была крупнее остальных — сложный цветочный орнамент, переходящий в абстрактные линии.

— Это в честь бабушки. Она любила цветы. У неё был сад. Я сделала её через год после того, как продала дачу. Чтобы помнить.

Иван провёл пальцами по татуировке и на этот раз медленнее.

— Спасибо, — сказал он.

— За что?

— За то, что показала.

Их взгляды встретились. Что-то в воздухе изменилось. Ульяна почувствовала, как сердце забилося быстрее, и поспешно одёрнула шорты.

— Ладно, — сказала она, отступая на шаг. — Хватит разглядывать. У нас маньяк на свободе, если ты забыл.

— Я не забыл. Просто... — он помолчал, — иногда полезно отвлечься.

— Отвлекаться будем потом. Сейчас — работа.

— Как скажешь.

Он отошёл к прилавку и взял свою кружку. Ульяна заметила, что его пальцы чуть дрожали — и это был первый раз, когда она видела его хоть немного выбитым из колеи.

— Значит так, — сказала она деловым тоном, хотя щёки всё ещё горели. — Завтра идём в городскую библиотеку. Или в архив. Нужно узнать, где работали жертвы, кто их лечил, кто имел доступ к их личной информации.

— И найти человека со шрамом на запястье и форменными запонками.

— Именно.

— Это сужает круг.

— Не сильно. Но это хоть что-то.

Иван допил чай и поставил кружку.

— Я зайду завтра. В девять?

— В девять.

— Тогда до завтра. И не волнуйся за магазин. Повесь табличку «Санитарный день», и все вопросы отпадут.

— «Санитарный день» звучит ещё хуже, чем «Учёт».

— Зато правдоподобно.

Он улыбнулся и пошёл к выходу. У двери обернулся.

— Уля.

— Что?

— Твои татуировки. Они действительно красивые.

— Ты уже говорил.

— Я хотел, чтобы ты услышала это ещё раз.

И вышел.

Ульяна осталась одна. Она стояла посреди магазина, прижимая ладонь к бедру, где всё ещё чувствовалось тепло его пальцев, и думала, что это расследование становится опасным. Во всех смыслах.

За окном снова пошёл дождь. Она подошла к двери, перевернула табличку на «Закрето» и задвинула засов. Завтра будет новый день. Новые зацепки. Новые опасности.

И Ваня. Который смотрит на неё так.

— Чёрт, — прошептала она в темноту. — Кажется, я влипла.

Ему четырнадцать, когда мать умирает.

Это случается ночью. Он просыпается от грохота — как будто что-то упало. Он вылезает из кровати и идёт по коридору. Дверь в её спальню открыта. Свет не горит. Он заходит.

Она лежит на полу, у туалетного столика. Зеркало столика отражает её лицо — бледное, с открытыми глазами. Она не двигается. Он подходит ближе. Опускается на колени. Трогает её холодную руку. Трогает её щёку — ту самую, которую царапал в детстве.

Она мертва.

Он сидит рядом с ней и смотрит. Проходит минута. Две. Пять. Он ждёт. Чего? Он не знает. Может быть, он ждёт, что она сейчас встанет и скажет: «Не спишь. Лжец». Но она не встаёт. Она лежит, и её лицо впервые за четырнадцать лет спокойно. На нём нет ни гнева, ни презрения, ни разочарования. Только пустота.

И тогда он понимает: она ушла. Ушла по-настоящему. Но слова, которые она сказала ему два года назад, остались. «Я в тебе». Она не соврала. Она действительно в нём. Её голос всё ещё звучит в его голове. Её взгляд всё ещё смотрит на него из каждого зеркала.

Он не плачет. Он уже разучился.

Вместо этого он подходит к туалетному столику и смотрит в зеркало. Оттуда на него смотрит мальчик — худой, бледный, с тёмными кругами под глазами. Мальчик, похожий на мать. Те же скулы, тот же рот, те же глаза. Он ненавидит это лицо. Оно — её лицо.

Но в то же время он не может отвести взгляд.

— Смотри на себя, — шепчет он своему отражению. — Ты прекраснее, чем когда-либо.

Слова матери сами срываются с его губ. Он произносит их так же, как она. С той же интонацией, с той же смесью угрозы и ласки. И на секунду ему кажется, что она стоит позади него. Что она положила руки ему на плечи и шепчет ему в ухо.

Но в зеркале только он один. И её отражения больше нет.

Он застывает, глядя в свои собственные глаза. Пустота. Такая же пустота, как в её глазах. И одновременно власть. Он впервые в жизни контролирует ситуацию. Он впервые в жизни говорит её словами, а не слушает их.

Он думает о том, что мать всегда была одержима порядком. Она нумеровала всё: его вещи, его тетради, его дни. Она говорила: «В мире должен быть порядок. Без порядка — хаос. А хаос — это смерть». Он ненавидел этот порядок. Но теперь, глядя в зеркало, он понимает: порядок — единственное, что осталось. Единственное, что может удержать его на краю.

Она ушла. Но он может сохранить её. Сохранить её образ. Её типаж. Её отражение.

И он может вести счёт. Как она учила.

— Ты будешь первой, — говорит он зеркалу. — Но не последней.

ГЛАВА 6. КОНТАКТЫ

Утро встретило головной болью и настойчивой трелью телефона.

Головная боль была тупой, глубинной — из тех, что селятся где-то в основании черепа и не уходят весь день. Ульяна нащарила трубку, не открывая глаз. Экран обжёг сетчатку даже сквозь веки.

— Аллю.

— Уля! Я приехала! Открывай! — Голос Карины звучал бодро, требовательно и совершенно неуместно в этом пасмурном, промозглом утре, которое сочилось сквозь занавески, как вода сквозь треснувшую штукатурку.

Ульяна села на кровати. Комната качнулась. Перед глазами ещё стояли обрывки сна — она не помнила деталей, только холод и чьё-то отражение в зеркале. Всегда отражение. Всегда зеркало.

— Карин, сколько времени?

— Половина десятого! Ты просила помочь с магазином — я здесь. - Голос Карины звучал бодро. - И тут этот. Блондин в костюме, про которого я говорила. Я его запомнила. Стоит под дверью и говорит, что к тебе. Что происходит?

— Это Ваня, — Ульяна сползла с кровати, натягивая джинсы. Ткань показалась холодной и чужой. — Впусти его. Я сейчас спущусь.

— Ваня? А, так у него есть имя. А фамилия? Он тогда мне весь вечер голову морочил — спрашивал, давно ли ты держишь магазин, одна ли живёшь. Я ещё подумала — странный тип. А теперь ты с ним... Уля, ты мне ничего не рассказываешь!

— Потому что рассказывать особо нечего, — буркнула она, натягивая свитер. Шерсть кольнула кожу. — Это деловой партнёр.

— Деловой партнёр, который выводывал, одна ли ты живёшь? Ну-ну.

Ульяна не стала отвечать и бросила трубку.

Внизу, в магазине, уже кипела жизнь. Карина, светловолосая, с идеальной укладкой и макияжем. Яркое пятно на фоне пыльных вешалок и тусклого утреннего света, — стояла, скрепив руки, и сверлила Ваню взглядом. Тот выглядел невозмутимым, но в глазах плясали бесения. Костюм сидел безупречно, воротник рубашки — расстёгнут ровно на одну пуговицу. Он был слишком отглаженным для этого утра, слишком собранным для этого города, который за окном медленно захлёбывался дождём.

— Значит, ты помогаешь Уле с расследованием? — допрашивала Карина.

— Можно и так сказать, — он улыбнулся той самой полуулыбкой.

— Каким расследованием? Она продаёт старые вещи.

— В этом городе всё не так просто, как кажется.

— Так, стоп! — Ульяна спустилась с лестницы и встала между ними. — Карина, спасибо, что приехала. Ты — спасительница. Магазин нуждается в присмотре. Ты знаешь, где что лежит, как пробивать чеки...

— Я помню. Всё будет в порядке. — Карина помолчала, потом добавила тише: — Кстати, я тут вспомнила кое-что. Тот следователь, которого показывали по телевизору о твоём маньяке, — Князев, кажется? — он заходил в участок, когда я подавала заявление на пропажу телефона в прошлом году. Знаешь, он показался мне спокойным. Слишком. Я тогда не придавала значения, но теперь, когда ты говоришь о маньяке... В общем, я навела справки через знакомого. Он сказал, что этот Князев всегда работает один, никогда не обсуждает дела. А ещё у них из архива часто крадут дела. Может, ерунда, но ты поосторожнее с полицейскими. Никогда не знаешь, кому доверять.

— Я учту, — сказала Ульяна, и от слов подруги что-то неприятно кольнуло в груди.

Карина перевела взгляд с неё на Ивана и обратно.

— Ну-ну. Потом расскажешь. В подробностях. Особенно про «делового партнёра».

Ульяна закатила глаза, схватила куртку и вытолкала Ивана за дверь. На улице их встретил дождь. Мелкий, противный, почти горизонтальный. Дома вдоль улицы стояли нахохлившиеся, как старые голуби, мокрые и злые. В такую погоду нормальные люди сидят по домам. Но она, видимо, уже не была нормальной. Если вообще когда-то была.

В машине пахло кожей и кофе. Ульяна выдохнула, наблюдая, как капли дождя расплзаются по лобовому стеклу.

— Она всегда такая? — спросил Иван.

— Всегда. Но она надёжная. И единственная, кому я могу доверить магазин.

— Тогда цени её.

Ваня завёл двигатель. «Дворники» заматались по стеклу, размазывая воду. Они ехали через город, обсуждая план. Ульяна хотела заехать к матери. Нужно было взять старые контакты из администрации. Парень предлагал потом навеститься в морг.

— Патологоанатом, — сказал он. — Тот, кто осматривал тела. Он может знать детали, которых нет в протоколах.

— С чего бы ему с нами разговаривать?

— У меня есть подход к людям.

— Ты имеешь в виду свой дар?

— Я имею в виду обаяние.

— Это одно и то же, — передразнила она его вчерашнюю фразу, и он улыбнулся.

Дом матери встретил их запахом старости и лаванды. Лаванда преследовала Ульяну повсюду. Теперь она ассоциировалась не с уютом, а с кофтой. С той самой, что висела в магазине и пахла точно так же. С запахом, который возвращался каждую ночь.

Мать открыла дверь. Подтянутая, с короткой стрижкой и острым взглядом. Её лицо, едва она увидела дочь, приняло привычное выражение. Смесь беспокойства и неодобрения, отточенное годами.

— Ульяна. Ты не предупредила, что приедешь.

— Здравствуй, мам. Это Иван, мой... коллега.

— Коллега, — мать окинула Ивана оценивающим взглядом. — Молодой слишком для коллеги.

— Очень приятно, — Иван улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой, которая на мать Ульяны не произвела никакого впечатления.

— Проходите.

В гостиной всё было как всегда. Идеальный порядок, ни пылинки, фотографии в рамках на серванте. На одной из них Ульяна заметила себя. Совсем юную, с глупой улыбкой. Рядом стоял парень. Сергей. Она поспешно отвела взгляд, но осадок остался.

— Нам нужны старые контакты из администрации. Ты знаешь всех, кто работает в архиве.

— Зачем тебе?

— Это связано с магазином. Нужно проверить кое-какие документы.

Мать прищурилась. Она всегда чувствовала, когда Ульяна недоговаривала. Материнская интуиция или просто многолетняя привычка подозревать дочь в неразумности.

— Ты опять куда-то вляпалась?

— Я не вляпалась. Я работаю.

— Твой магазин — это не работа, Уля. Это хобби. Ты могла бы вернуться в бухгалтерию. Серёжа говорил, у них есть вакансии.

Имя резануло, как пощёчина. Её бывший. Тот самый, который методично, изо дня в день, выдалбливал из неё веру в себя. И мать всегда была на его стороне. Всегда.

— Мам, не начинай.

— А что я такого сказала? Он до сих пор спрашивает о тебе.

— Он спрашивает, потому что хочет убедиться, что я без него пропаду. И ты ему в этом помогаешь.

— Он заботился.

— Он контролировал меня. Это разные вещи.

Повисла пауза. Густая, вязкая, как болотная жижа.

— Ладно, — мать поджала губы. — Контакты я тебе дам. Но ты совершаешь ошибку, Уля. Ты всегда выбираешь не тех людей и не те занятия.

Ульяна встала. Разговор был окончен. Мать принесла потрёпанную записную книжку, вырвала из неё листок с телефонами и протянула дочери. Их пальцы не соприкоснулись. Они никогда не обнимались. Ульяна уже не помнила, когда в последний раз мать смотрела на неё без этого выражения — смеси тревоги и разочарования. Возможно, никогда.

В машине она долго молчала, глядя на пасмурные улицы. Дождь усилился, превратив город в акварельный набросок. Слегка размытый, бесформенный, без чётких контуров.

— Бывший значит? — спросил Ваня

— Да.

— Плохой?

— Да. Но моя мать другого мнения. Он был... «перспективным».

— Она ошибается.

— В чём?

— В том, что ты выбираешь не тех людей. Ты выбрала меня. А я — отличный выбор.

Ульяна неожиданно для себя рассмеялась — коротко, но искренне.

— Я тебя не выбирала.

— Знаю, но я прав.

—
Он убивает впервые.

Он долго готовился. Месяцами изучал её — ту, первую. Она работала медсестрой. У неё были длинные тёмные волосы, которые она закалывала в высокий хвост, и привычка улыбаться пациентам. Той мягкой, тёплой улыбкой, которую его мать никогда не умела изображать. Он следил за ней три недели. Узнал её адрес, её расписание, её привычки. Узнал, что она боится змей до дрожи, до тошноты, до крика.

И когда он вошёл в её квартиру тёмным ноябрьским вечером, у него в кармане лежал не только моток прозрачной плёнки, но и маленький резиновый уж.

Она кричала. Конечно, кричала. Но он уже знал: крик — это ничего. Крик — это просто звук. Важно то, что происходит после крика.

Он заставил её смотреть в зеркало. Он держал её голову, пока она билась в его руках, и — сам не знал почему — произнёс те самые слова. Слова матери.

— Не смей закрывать глаза.

И когда плёнка запечатала её рот, когда грудная клетка перестала вздыматься, когда свет в её зрачках погас — он увидел это.

Душа. Её душа. Она прошла по стеклу рябью и втянулась в зеркало. Осталась там, за стеклом, как муха в янтаре. Её лицо, искажённое ужасом, застыло в отражении.

Он стоял и смотрел. Дышал тяжело, как после долгого бега. Сердце колотилось где-то в горле.

А потом он сделал то, чего не планировал. Он упал на колени перед зеркалом и зарыдал. Не от раскаяния — нет, раскаяния не было. От ярости. От бессилия. От того, что даже сей-

час, даже после всего, он всё ещё чувствовал себя недостаточно хорошим. Даже это... даже убийство не сделало его идеальным. Не заставило мать замолчать. Не заполнило пустоту.

— Сука, — прошептал он, глядя в зеркало. — Почему ты не смотришь на меня? Почему ты никогда на меня не смотришь?

Но женщина в зеркале ему не ответила. Она была мертва. И в то же время она была там. Сохранённая. Увековеченная. Его первая.

Он собрал осколок. Достал ключ. И аккуратно, кончиком, выцарапал на стекле цифру «1».

Он сделал это, потому что мать всегда нумеровала всё, что имело для неё значение. Стекланные банки с вареньем — по дате закатки. Его детские рисунки, которые она хранила, — подписанные снизу: «Сын, 5 лет», «Сын, 6 лет». Его самого — она редко называла по имени, но иногда ему казалось, что для неё он тоже просто номер. Порядковый. В списке вещей, которые ей принадлежали.

Теперь он продолжит эту традицию. Но цифры будут означать не порядок. Не даты. Не количество.

Цифра на осколке — это номер версии.

Так художник нумерует эскизы перед тем, как написать главную картину. Так скульптор отмечает гипсовые слепки, прежде чем взяться за мрамор. Каждая женщина — не жертва. Каждая женщина — попытка. Приближение к идеалу. К матери.

— Первая версия, — прошептал он, глядя на осколок. — Хорошая. Но не идеальная.

Он приклеил локон её волос воском и положил осколок рядом с телом. Это был его первый трофей. Его первая страница в каталоге.

Потом встал, поправил одежду и вышел из квартиры. На лестничной клетке он остановился и посмотрел на свои руки. Они не дрожали.

Он думал, что после первого раза станет легче. Что пустота внутри заполнится. Что голос матери замолчит.

Но легче не стало. Пустота не заполнилась. Голос матери не замолчал.

Он просто стал тише. Совсем немного. Настолько, чтобы можно было жить дальше.

И чтобы создать вторую версию.

ГЛАВА 7. МОРГ

Городской морг находился на окраине, в старом здании из серого кирпича. Вокруг — ни души. Голые деревья, мокрый асфальт, ржавый забор. Здание прижималось к земле, как зверь, затаившийся перед прыжком. Даже дождь здесь, казалось, шёл тише — словно и он не хотел тревожить мёртвых.

Ульяна поёжилась, когда они подошли к дверям. Холод просачивался сквозь подошвы ботинок. Запах формалина, казалось, вьелся в кирпичную кладку.

— Ты уверен, что он будет с нами разговаривать? — спросила она.

— Уверен. Патологоанатомы — одинокие люди. Им редко кто задаёт вопросы, кроме полиции. И не забывай про мои хитрости.

Внутри было тихо. Слишком тихо. Длинный коридор, тусклый свет, белые стены, которые когда-то были белыми, а теперь отдавали желтизной. Лампы гудели на одной ноте — низкой, почти инфразвуковой. Ульяна чувствовала этот гул животом.

Они нашли кабинет с табличкой «Степанов М.В., патологоанатом». Иван постучал.

— Войдите.

Михаил Степанов оказался не таким, каким она его представляла. Она ожидала сутулого старика в очках. А увидела мужчину лет пятидесяти, подтянутого, с проседью на висках и холодными, слишком светлыми глазами — почти прозрачными, как у рыбы, вытасченной из воды. Очки в тонкой золотой оправе. Руки в латексных перчатках. Он сидел за столом, перебирая какие-то бумаги, и даже не поднял головы, когда они вошли. В углу кабинета стоял человеческий скелет на металлической подставке — учебный, с табличками на костях. Но что-то в том, как он скалился в полутьме, казалось не учебным. Слишком настоящим.

— Слушаю, — сказал он сухо.

— Михаил Валерьевич? — спросил Иван.

— Допустим.

Патологоанатом наконец поднял глаза. Его взгляд скользнул по Ивану без интереса — так смотрят на мебель, — но когда он остановился на Ульяне, что-то в нём изменилось. Зрачки чуть расширились. Губы тронула едва заметная улыбка. Холодная. Оценивающая.

Ульяна физически ощутила этот взгляд. Он был липким, как прикосновение чужих пальцев в темноте.

— А вы кто? — спросил он.

— Меня зовут Иван, это Ульяна. Мы хотели бы задать несколько вопросов. — Иван протянул руку.

Степанов пожал её — коротко, сухо, — и Ульяна заметила, как на мгновение дрогнули его веки. Дар Ивана пошёл в дело. Но патологоанатом, кажется, этого даже не заметил.

— Кто вы? — он наконец оторвал взгляд от Ульяны и снова посмотрел на Ивана.

— Частные следователи.

— Частные, значит, — Михаил откинулся на спинку стула и медленно стянул перчатку с правой руки. Потом с левой. Движения были нарочито неторопливыми, почти театральными. Под перчатками оказались руки с длинными, ухоженными пальцами. Руки пианиста. Или хирурга. — Это что-то новое. Обычно ко мне приходят либо полицейские, либо журналисты. И те, и другие — люди скучные. А вы... — он снова посмотрел на Ульяну, и на этот раз его улыбка стала шире, обнажив ровные, слишком белые зубы, — вы не похожи на скучных людей.

— Мы хотели поговорить о жертвах «Целлофана», — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Глупое прозвище, — поморщился он. — Целлофан. Как пакет для завтрака. Убийца с таким прозвищем должен обидеться. Вы не находите?

— Мы не об этом.

— Жаль. О прозвищах интереснее говорить, чем о жертвах. О жертвах все говорят одно и то же. — Он поднял бровь. — И почему вас это интересует?

— Мы помогаем одной из семей, — сказал Иван. — Мать Алины, Веру, вы, кажется, знаете.

— Веру? — патологоанатом кивнул. — Да. Приходила. Плакала. Они все плачут. Но она хотя бы задавала правильные вопросы. В отличие от полиции.

— Какие вопросы? — спросила Ульяна.

— Про фобии. — Он произнёс это слово с удовольствием, словно смаковал его на языке. — Она рассказала мне, что Алина боялась зеркал. С детства. Спектрофобия. Вы знаете, что это такое? Нет? Это когда человек не может смотреть на своё отражение в темноте. Ему кажется, что оттуда кто-то смотрит. — Он усмехнулся. — Забавно, правда? Бояться себя.

— И вы знаете о страхах других жертв? — спросил Иван.

— Разумеется. — Он улыбнулся. — Я всё знаю о тех, кто попадает на мой стол. Это моя работа.

Он встал и подошёл к шкафу. Достал папку — толстую, в тёмной обложке, — открыл, но не показал им. Просто держал в руках, словно дразнил. Ульяна заметила, что на корешке папки было что-то написано от руки — неразборчиво, мелким почерком.

— Вы не журналисты, вы не полиция. С чего бы мне рассказывать вам что-то? — спросил он, и его светлые глаза снова остановились на Ульяне. — Хотя... лично вам, — он выделил это слово, — я, пожалуй, мог бы кое-что рассказать.

— Что именно? — спросила она.

— Например, то, что у второй жертвы была клаустрофобия. А у третьей — боязнь острых предметов. Хотя её убили не ножом, нет. Нож просто лежал рядом. Он хотел, чтобы она его видела. Чтобы боялась. — Михаил говорил тихо, почти интимно, глядя прямо на Ульяну. Его голос понизился до шёпота, и от этого шёпота у неё побежали мурашки по рукам. — Вы понимаете, что это значит? Он не просто убивает. Он изучает их. Он знает, чего они боятся. Он наслаждается их страхом. Это... искусство.

— Искусство? — переспросила Ульяна. Слово застряло в горле. — Вы называете убийства искусством?

— Я называю вещи своими именами. Убийца — больной человек, но у него есть стиль. Почерк. Он не просто так оставляет осколки. Вы знаете про осколки?

— Знаем.

— Конечно, знаете. Иначе бы вы сюда не пришли. Вы ищете что-то, что связывает жертв. Я прав?

Они молчали.

— Я прав, — кивнул Михаил. — Ну что ж. Я скажу вам то, что сказал полиции. Только полиции это было неинтересно.

— Почему? — спросил Иван.

— Потому что следователь, который ведёт дело, — человек занятой. Ему нужны факты, а не психологические портреты. — Он сделал паузу, и его губы растянулись в улыбку, которая больше напоминала оскал.

— Слышали, — сказала Ульяна. — Вера упоминала его.

— Да, Вера его не любит. И я его не люблю, если честно. Он приходит сюда, смотрит на тела, задаёт формальные вопросы и уходит. Ему плевать. А мне — нет.

— Что вы ему сказали? — спросил Иван.

— Я сказал ему, что на теле последней жертвы, Светланы, были найдены частицы краски. Такой краской красят полицейские участки. — Степанов усмехнулся. — Знаете, что он ответил?

— Что?

— «Не лезь не в своё дело, Степанов». Буквально так и сказал. — Он развёл руками. — Так что если вы ищете убийцу, возможно, вам стоит поискать среди его коллег.

— Вы думаете, убийца — полицейский?

— Я ничего не думаю. Я просто констатирую факты. Краска из участка. Следовательно, который не хочет копать глубже. И жертвы, которых кто-то очень хорошо изучил. Где можно изучить человека так, чтобы узнать его страхи? В полицейском участке. В медицинской карте. В личном деле.

— Или в морге, — тихо сказала Ульяна.

Михаил замер. На секунду его лицо стало неподвижным, как маска. Даже воздух в комнате, казалось, загустел. А потом он медленно улыбнулся. Улыбка была страшнее всего, что она видела за последние дни.

— Или в морге, — повторил он. — Вы умная женщина, Ульяна. Очень умная. И очень наблюдательная. Это опасно.

Иван встал.

— Думаю, нам пора.

Михаил перевёл взгляд на него.

— Уже уходите? А я только начал получать удовольствие от беседы. — Он снова посмотрел на Ульяну. Его улыбка стала шире, но глаза остались холодными и пустыми. — Заходите ещё. Когда у вас появятся новые вопросы. Я всегда рад гостям. Особенно таким... интересным.

Он произнёс последнее слово с таким выражением, что Ульяне захотелось вымыться. Содрать с себя кожу, к которой прикоснулся его взгляд.

Они вышли в коридор. Дверь за ними закрылась с влажным чмокающим звуком. Иван схватил её за руку и почти бегом повёл к выходу. Их шаги гулко отдавались в пустом коридоре, и Ульяне казалось, что за ними кто-то идёт. Еле слышно, но чувствуется спиной, затылком, каждым волоском на руках.

— Ты в порядке? — спросил он, когда они оказались на улице. Дождь хлестнул по лицу, и это было почти приятно — он смывал липкое ощущение, оставшееся после кабинета Степанова.

— Да, — она вдохнула холодный воздух. — Просто он... он смотрел на меня, как на вещь. Как на одну из них.

— Я заметил. — Иван сжал её ладонь, и по коже разлилось тепло. На этот раз она не возражала. Она держалась за его руку, как за единственную твёрдую опору в мире, который вдруг стал зыбким. — Он знает больше, чем говорит.

— Ты видел, как он отреагировал, когда я спросила про морг?

— Видел. Он восхищается убийцей. Это ненормально.

— Он сам может быть убийцей, — сказала Ульяна. Её голос звучал глухо, но внутри всё дрожало. — У него есть доступ к телам. Он знает фобии. Он странно реагирует на женщин моего типажа. И он носит перчатки. Постоянно.

— Это не доказательство.

— Но это повод копать под него.

Иван кивнул. Дождь стекал по его лицу, по светлым волосам, по воротнику пальто. Он, казалось, не замечал этого.

— Завтра поедем в архив, проверим его прошлое. А пока... — он помедлил, — я бы хотел, чтобы ты не оставалась одна. Можно я переночую у тебя? На диване в магазине.

Ульяна хотела возразить. И поняла, что не хочет больше смотреть в зеркало. Не хочет видеть там отражение, которое могло бы быть отражением жертвы.

— Да, — сказала она. — Оставайся.

Они заехали в «Эхо» — проверить Макса и перекусить. Бар работал, посетителей было немного. Макс, к удивлению, выглядел собранным. Он улыбнулся им из-за стойки и даже не покраснел.

— Вань, привет! У нас тут тихо. Ой, здравствуйте.

— Ты как? — спросила Ульяна.

— Нормально. Ваня сказал, что у вас совместное дело. Это круто. Ну, не то чтобы круто, но... вы поняли.

— Поняли, — кивнула она.

Иван взял два чая и кивнул на дальний столик у окна. Они сели. Телевизор над барной стойкой тихо бормотал вечерние новости — что-то о погоде, о ремонте дорог, о городском фестивале.

— Значит, патологоанатом — наш главный подозреваемый? — спросила Ульяна. Она обхватила кружку ладонями, пытаясь согреться, но холод шёл изнутри.

— Пока — да. У него есть доступ, знания и очень странное поведение. Но нам нужны доказательства.

— Завтра в архив. А пока — давай ещё раз проговорим всё, что знаем.

Они достали записи и начали сверять факты. Три жертвы — нет, теперь уже четыре. Четыре фобии. Четыре вещи, которые кто-то забрал. Патологоанатом, который слишком хорошо помнит детали. Следователь, который не хочет копать глубже.

Ульяна отогнала эту мысль. Не сейчас. Она разберётся с этим позже.

Внезапно музыка в баре стихла. Не просто стихла. Её оборвали на полуслове, как перерезают натянутую струну. Макс за стойкой замер, уставившись в телевизор. Его лицо стало белым. В один миг, словно кто-то выкрутил ручку яркости.

— Ваня, — позвал он. — Ваня, включи громче.

На экране телевизора ведущая новостей говорила что-то, и её лицо было напряжённым. Иван схватил пульт и прибавил звук.

— ...экстренный выпуск новостей. Час назад в заброшенном здании на улице Строителей было обнаружено тело молодой женщины. По предварительным данным, она стала четвёртой жертвой серийного убийцы, известного как «Целлофан». На месте преступления найдены характерные улики. Следствие пока воздерживается от комментариев.

На экране появилась фотография. Темноволосая девушка. Молодая. Улыбающаяся. Длинные волосы рассыпаны по плечам. Светлая кожа. Тёмные глаза.

Как у неё.

— Господи, — прошептала Ульяна. — Четвёртая.

— Мы не успели, — глухо сказал Иван.

— Он не ждёт. — Она смотрела на фотографию и чувствовала, как внутри поднимается холодная, липкая волна. — Он продолжает. Пока мы тут копаемся, он убивает снова.

Её взгляд метался между экраном и тёмным окном. Там, за стеклом, в мокром городе, ходил человек, который заставлял девушек смотреть в зеркало. Девушек, похожих на неё.

— Значит, нам нужно действовать быстрее, — Иван сжал её ладонь. — Завтра с утра — в архив. И к Князеву.

Ульяна кивнула, но взгляд её всё ещё был прикован к экрану. Четвёртая жертва. Ещё одна темноволосая девушка. Ещё одна жизнь, которую оборвали.

Она перевела взгляд на тёмное окно, где отражалось её собственное лицо. Бледное, уставшее, с тёмными провалами глаз. Лицо, которое могло быть лицом жертвы.

Где-то в морге сидел патологоанатом и, возможно, уже ждал новое тело. С новыми уликами. С новой цифрой на осколке.

И где-то человек в форме готовил новое зеркало для новой жертвы. Возможно, для неё.

ГЛАВА 8. ОСКОЛКИ

Ночь прошла без снов.

Это было хуже, чем кошмары. В кошмарах было хотя бы что-то. Лица, голоса, образы, а здесь только пустота. Глухая, чёрная, как та комната, где жертвы Целлофана видели своё последнее отражение. Дурацкое прозвище для такого чудовища.

Ульяна проснулась с ощущением, что не спала вовсе, а пролежала несколько часов в тёмной воде, глядя в потолок и слушая, как дом оседает на фундаменте. Тело ныло, словно она провела ночь не в постели, а на бетонном полу заброшенного здания. Каждая мышца помнила напряжение вчерашнего дня, каждый сустав, каждый нерв — взгляд Степанова.

За окном серело. Дождь прекратился, но небо оставалось низким, вспухшим, как старый синяк. Город за стеклом выглядел размытым, будто смотрел на неё сквозь грязную воду. Многоэтажки, мокрые крыши, голые ветви деревьев. В такую погоду даже свет фонарей казался болезненным, желтушным, неспособным разогнать темноту. Ульяна села на кровати и прислушалась. Тишина. Слишком тихо для дома, в котором кто-то ночует. Слишком тихо для города, в котором орудует убийца.

Она натянула свитер. Тот самый, серый, с высоким горлом, который носила в особенно мрачные дни, и спустилась в магазин. Ступени были холодными под босыми ногами, и каждая половица скрипела знакомо и тоскливо. Иван сидел за прилавком, читая что-то в телефоне. Перед ним стояла кружка с остывшим чаем. Он заварил его час назад и забыл. Ульяна заметила, что он в той же одежде, что и вчера: тёмные джинсы, серая футболка, волосы собраны в небрежный пучок на затылке. Он поднял глаза, и она увидела тени у него под глазами — глубокие, почти чёрные. Он не спал. Опять.

— Доброе утро, — сказал он. Голос был хриплым, как будто он молчал всю ночь.

— Ты не спал.

— Немного. Думал. — Он отложил телефон и потёр переносицу. Жест был усталым, почти механическим. — О Степанове. О том, что вчера погибла ещё одна девушка, пока мы сидели в баре. О том, что мы ходим по кругу, собираем крохи информации, а он тем временем выбирает следующую.

Ульяна опустила на стул напротив. Её собственная усталость была другой. Его усталость была собранной, сжатой в кулак, готовой к действию. Её — вязкой, затягивающей, как болото. Кофта больше не раздражала. Она пугала. Как вещь, которая знает больше, чем говорит. Как свидетель, который молчит не потому, что не хочет говорить, а потому что ждёт подходящего момента.

— Карина уехала, — сказал Иван, возвращая её к реальности. — Оставила записку на прилавке. У неё работа, она не может сидеть здесь вечно. Написала, что забежит в пятницу, и чтобы ты не забывала есть. И ещё что-то про «делового партнёра» — я не стал читать дальше.

— Я понимаю, — Ульяна взяла записку, пробежала глазами по летящему почерку подруги. Карина писала так же, как говорила: быстро, с восклицательными знаками, с шутками на грани. В конце была приписка: «P.S. Он на тебя смотрит. Я заметила. И ещё — я навела справки о том следователе, как вы просили. Никогда не обсуждает дела. Будет трудно его разговорить». Ульяна усмехнулась и отложила записку. — Мы справимся.

— Сегодня архив, — сказал Иван, вставая и разминая затёкшие плечи. — Потом... — он помедлил, подбирая слова, — я думаю, нам нужно поговорить с Князевым.

— Следователем? — Ульяна нахмурилась. Это имя всплывало уже не в первый раз, и каждый раз оно вызывало у неё смутное, необъяснимое беспокойство. Не страх. Страх был слишком сильным словом. Скорее, предчувствие. Как будто этот человек был ключом к чему-то, что она пока не могла разглядеть. — Ты уверен? Мы о нём почти ничего не знаем. Только

то, что Вера считает его бездушным чиновником, Карина считает, что к нему не подобраться, а Степанов — врагом.

— Именно поэтому. — Иван опёрся о прилавок, и Ульяна заметила, как напряглись мышцы на его предплечьях — татуировки, казалось, двигались под кожей. — Мы не можем вечно прятаться и строить догадки. Мы собрали информацию, но она — как разбитое зеркало: куча осколков, которые не складываются в целую картину. Если он нормальный полицейский, то поможет. Если нет... — он не закончил, но Ульяна поняла без слов. Если нет, они хотя бы узнают, с кем имеют дело.

— Вера говорила, что он отмахнулся от неё, когда она пришла с рассказом о фобии Алины. Что он даже не стал записывать.

— Может, не со зла. — Иван пожал плечами и принялся расхаживать по магазину, как он всегда делал, когда думал. — Может, у него просто не было времени. У него четыре трупа, паника в городе и начальство, которое дышит в затылок. Или он просто один из тех людей, которые не умеют общаться с родственниками жертв.

В этот момент телефон на прилавке завибрировал. Ульяна глянула на экран: «Мама». Имя, которое она видела на экране реже, чем хотелось бы — и чаще, чем ей было комфортно.

— Алло?

— Ульяна. — Голос матери звучал сухо, как всегда, но в нём было что-то ещё. Что-то, похожее на тревогу, которую мать пыталась скрыть за привычной резкостью. — Ты смотрела утренние новости?

— Нет. Ещё не включала.

— Четвёртая девушка. Её нашли позавчера, но сегодня назвали имя. Елена Соколова. Двадцать семь лет. Тёмные волосы. Жила в двух кварталах от тебя.

Ульяна промолчала. В горле встал ком. Два квартала — это расстояние, которое она проходила каждый день, когда шла в булочную. Два квартала. Это ближе, чем бар «Эхо». Ближе, чем дом матери.

— Уля, ты слушаешь?

— Слушаю, мам.

— Все жертвы — темноволосые. Все молодые. Все похожи друг на друга, как сёстры. И ты... — мать запнулась. Это была редкая, почти невозможная вещь — её мать запнулась. Обычно она всегда знала, что сказать. — Ты похожа на них. Очень похожа. Я смотрела фотографии в новостях, если поставить твою рядом, можно подумать, что вы родственницы.

— Я знаю, мам. Я видела.

— Тогда ты понимаешь, почему я звоню. — Голос матери стал твёрже, в него вернулись знакомые стальные нотки. — Я не хочу тебя пугать, но я хочу, чтобы ты была осторожна. Закрывай магазин до темноты. Не ходи одна. Поставь дополнительный замок на дверь. У тебя до сих пор стоит тот старый, который я тебе говорила поменять полгода назад.

— Хорошо, мам.

— В городе паника. Люди боятся. Магазины закрываются раньше обычного, на улицах пусто после восьми вечера. Соседка сказала, что полиция выставила дополнительные патрули, но толку от них... — мать не закончила. Ульяна услышала, как она вздохнула. — И ещё... Этот молодой человек, с которым ты приходила. Иван. Он с тобой?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что если он с тобой, то, возможно, ты в большей безопасности, чем одна. — Пауза. Ульяна слышала, как мать подбирает слова. Старая привычка, которая всегда раздражала её в детстве, но теперь почему-то казалась трогательной. — Я не знаю, кто он и откуда, я не знаю, можно ли ему доверять. Но он смотрел на тебя так, как будто ты важна.

Ульяна не знала, что ответить. Это было самое близкое к «я волнуюсь за тебя» и «он хороший человек», что мать могла сказать. Два в одном. Почти чудо.

— Спасибо, мам.

Гудки. Ульяна положила телефон на прилавок и выдохнула. Разговор занял меньше трёх минут, но она чувствовала себя так, будто пробежала марафон. Иван вопросительно поднял бровь, и она покачала головой — мол, всё в порядке, просто мать.

— Просила быть осторожнее, — сказала она, отвечая на его невысказанный вопрос. — Сказала, что я похожа на жертв. Сказала, что в городе паника. Сказала, что ты смотрел на меня как-то особенно.

— Я всегда смотрю на тебя особенно, — заметил Иван, и его губы дрогнули в той самой полуулыбке, которая одновременно раздражала и успокаивала.

— И сказала, чтобы я поменяла замок.

— Вот тут она права. Замок действительно старый.

Ульяна встала и подошла к зеркалу у стены. Её отражение смотрело на неё. Тёмные волосы, тёмные глаза, бледная кожа. Лицо, которое могло быть лицом любой из тех девушек. Алины, которая боялась зеркал. Лены, которая боялась замкнутых пространств. Светланы, которая боялась острых предметов. И четвёртой — Елены Соколовой, двадцати семи лет, жившей в двух кварталах отсюда.

— Если он ищет, — сказала она тихо, — то я — идеальная кандидатка. Я живу в том же районе. Я хожу в ту же поликлинику. Я выгляжу так же. Я — всё, что он ищет.

— Именно поэтому мы должны его найти раньше.

Городской архив располагался в старом здании на центральной площади — массивном, с колоннами и облупившейся лепниной, построенном ещё в те времена, когда здания строили на века. Внутри пахло бумажной пылью, временем и чем-то ещё. Может быть, клеем, которым подклеивали старые переплёты, а может быть, самим временем, которое въелось в стены.

— С чего начнём? — спросил Иван.

— Со Степанова. Всё, что можно найти: трудовая книжка, биография, старые газеты. Если он убийца, где-то должен быть след. Никто не становится маньяком в пятьдесят лет.

Они разделили работу. Ульяна взяла на себя медицинские архивы, что были в открытом доступе. Иван копался в полицейских сводках и газетных подшивках. В читальном зале стояла тишина, нарушаемая только шорохом страниц и редкими шагами сотрудницы в коридоре. Свет из высоких окон падал на столы длинными полосами, и в нём танцевали пылинки.

Первое, что нашла Ульяна, заставило её замереть.

Степанов Михаил Валерьевич, 1968 года рождения. Окончил медицинский институт в 1992 году. Специализация — патологическая анатомия. Работал в областной больнице с 1993 по 2003 год. Уволен «по собственному желанию». Никаких подробностей — стандартная формулировка.

Но дальше шли примечания. Мелким шрифтом, в сносках. Ульяна читала и чувствовала, как внутри всё холодеет.

За время работы Степанова в больнице смертность в его отделении была на сорок процентов выше, чем в среднем по больнице. Внутреннее расследование не выявило нарушений — но отметило «странное совпадение». Степанова перевели в ночные смены. Потом в морг. А потом попросили уйти.

— Слишком много смертей, — прошептала Ульяна. — Слишком много пациентов умирали на его дежурствах. Они не могли доказать, что это он, но они знали. Чувствовали.

— Именно это и пугает, — ответил Иван, поднимая голову от своих бумаг. — Если он убивал ещё тогда, почему остановился? И почему начал снова сейчас?

Вторая находка была ещё тревожнее. В газетной заметке десятилетней давности, которую откопал Иван, пожелтевшей, с расплывшимся шрифтом, пахнувшей старой бумагой и пылью, упоминался случай: женщина, бывшая пациентка Степанова, обвинила его в «неподобающем

поведении». Она утверждала, что он проявлял нездоровый интерес к её внешности, задавал странные вопросы, просил принести фотографии.

— Какие вопросы? — спросила Ульяна, перечитывая заметку.

— Здесь не сказано. Но дальше — самое интересное. — Иван ткнул пальцем в конец страницы. — Дело замяли. Не хватило доказательств. Но Степанов после этого сменил место работы. Ушёл из больницы в морг. Как будто спрятался.

— Или как будто нашёл место, где его интересы никого не удивляют. — Ульяна откинулась на спинку стула и потёрла глаза. — Подумай сам: патологоанатом имеет доступ к телам. Он может изучать их сколько угодно, и это будет считаться работой. Он может трогать их, рассматривать, забирать себе что-то на память — и никто не задаст вопросов. Идеальное прикрытие.

— Именно, — мрачно подтвердил Иван.

Они провели в архиве ещё час, и картина становилась всё мрачнее. Ульяна выписала адреса всех жертв, их места работы, имена родственников. Когда она разложила данные на столе — четыре имени, четыре адреса, четыре даты, — её осенило.

— Посмотри на это, — сказала она, пододвигая листок Ивану. — Все четыре девушки жили в одном районе. Вот здесь, — она ткнула пальцем в карту, которую они нашли в одном из справочников, — квадрат между улицей Ленина, Строителей, Советской и Октябрьской. Это центр города, мой район.

— Дальше.

— Все четыре посещали одну и ту же поликлинику. Городскую поликлинику номер три на улице Советской. Ту самую, где раньше работал Степанов.

— Он сохранил доступ к картотеке?

— Или скопировал её перед уходом. Или у него там остались знакомые, которые сливали ему информацию. Неважно как. Важно, что он знал этих девушек. Знал их адреса, их медицинские карты, их фобии. Он выбирал их осознанно. Годами.

— Это не просто типаж, — тихо сказал Иван. — Это точная копия. Одна и та же внешность, один район, одна поликлиника. Он знал их ещё до того, как они стали жертвами.

— Значит, он знает и меня. — Ульяна произнесла это спокойно, но внутри всё сжалось в ледяной ком. — Я живу в том же районе. Я хожу в ту же поликлинику. Он видел меня в морге. Он разглядывал моё лицо, мои волосы, мою кожу.

— Нужно поговорить с Князевым, — сказал Иван, вставая. — Сейчас. Сию минуту.

ГЛАВА 9. ДОБЫЧА

Полицейский участок встретил их запахом хлорки и гулом голосов, который эхом разносился по длинным коридорам. Здание было старым, советской постройки, с высокими потолками и облупившейся краской на стенах. В коридорах стояли люди. Кто-то ждал своей очереди, кто-то давал показания, кто-то просто сидел с отрешённым видом, прижимая к груди папки с документами. Дежурный за стойкой — молодой парень с уставшим лицом и плохо выбритой щетиной на подбородке — нехотя оторвался от бумаг, когда Иван назвал фамилию следователя.

— Князев? Он занят. У него совещание.

— Мы подождём.

— Он очень занят. Совещание может продлиться до вечера.

— Мы очень терпеливые.

Парень вздохнул и скрылся за дверью. Вернулся через пять минут. Ульяна за это время успела изучить все объявления на доске у входа и пересчитать плитки на полу.

— Пройдите. Он примет вас. Но сказал, что у вас десять минут, не больше. У него через час оперативное совещание с начальством.

Их проводили в кабинет на втором этаже. Внутри было спартански просто: письменный стол с компьютером, три стула для посетителей, шкаф с папками, зарешёченное окно, выходящее во внутренний двор. На стене висела большая карта города с булавками. Четыре красные булавки. Четыре места преступлений. Ульяна заметила, что булавки расположены почти правильным ромбом — как будто убийца выбирал места по какому-то известному только ему принципу.

Князев вошёл ровно через минуту после того, как они сели. Ульяна услышала его шаги в коридоре раньше, чем увидела его: уверенные, чёткие, без лишней суеты. Он двигался так, как двигаются люди, которые привыкли к нагрузкам и не тратят энергию на лишние движения. Подтянутый, в форме, с короткой стрижкой, тронутой проседью на висках. Тёмные глаза — усталые, но цепкие, способные заметить деталь, на которую другой не обратил бы внимания. Левая рука в перчатке.

Первое, что почувствовала Ульяна, — от него не исходило угрозы. Только усталость. Глубокая, застарелая, как несмываемое пятно. Усталость человека, который годами имеет дело с худшим, что есть в людях, и продолжает делать свою работу не потому, что верит в справедливость, а потому что больше ничего не умеет. Или потому что больше никто не сделает.

— Слушаю вас, — сказал он, садясь за стол и складывая руки перед собой. Голос был спокойным, без враждебности и без ложного дружелюбия. Просто деловой тон человека, у которого каждая минута на счету. — Кто вы и зачем пришли?

Иван начал первым — он всегда лучше справлялся с формальностями.

— Меня зовут Иван. Это Ульяна. Мы помогаем семье одной из жертв — Алины. Её мать, Вера, обращалась к вам несколько недель назад.

Князев кивнул.

— Помню Веру. Хорошая женщина. Она рассказала мне про фобию дочери. Спектрофобия — боязнь зеркал. — Он произнёс это слово без запинки, как человек, который изучил медицинский справочник вдоль и поперёк.

— Да. И вы тогда... не обратили на это внимания?

Князев вздохнул и откинулся на спинку стула. На секунду его лицо стало не профессионально-сдержанным, а по-человечески усталым. Ульяна видела, как на мгновение спала маска «следователя на службе» и проглянул обычный человек — немолодой, уставший, не спавший нормально уже несколько недель.

— Послушайте, — сказал он. — Я скажу вам то, что не говорю журналистам и родственникам. У меня четыре трупа. Четыре молодые женщины, убитые с особой жестокостью. У меня паника в городе, люди боятся выходить на улицу после семи вечера, магазины закрываются раньше времени. У меня начальство, которое требует результат вчера и не принимает оправданий. И у меня почти нет улик. Этот человек... он умён. Он не оставляет следов. Ни отпечатков, ни ДНК, ни свидетелей. Только осколки зеркал, локоны волос и плёнка на лицах жертв. Мы проверили сотни людей — ничего. Мы проверили все камеры в городе. Он знает, где они висят, и обходит их. Это как охотиться на призрака.

Он замолчал и провёл рукой по волосам. Жест, который должен был выражать досаду, но выглядел как жест бессилия. Потом продолжил:

— Вера рассказала мне про фобию Алины. Я записал это в дело. Но одной фобии недостаточно, чтобы выйти на убийцу. Мне нужны факты. Улики. Конкретные данные, которые можно приобщить к делу. А не догадки. Понимаете? Я бы рад копать в этом направлении, но у меня нет людей. У меня нет времени. У меня нет ничего, кроме четырёх трупов и ощущения, что будет пятый.

— У нас есть факты, — сказала Ульяна.

Князев перевёл взгляд на неё. Что-то в его глазах изменилось — не угроза, не подозрение. Интерес. Тот самый профессиональный интерес, который просыпается в хорошем следователе, когда он чувствует зацепку.

— Какие?

— Мы знаем, что убийца использует страхи жертв. Это не догадка — это система. У Алины была спектрофобия, и её убили перед зеркалом. У Лены — клаустрофобия, её нашли в подвале с низким потолком. У Светланы — боязнь острых предметов, и рядом с телом лежал нож, которым её не убивали, но который она видела. Четвёртую жертву мы пока не проверяли, но я готова поставить на то, что и у неё была фобия.

Князев медленно кивнул:

— У четвёртой — акрофобия. Боязнь высоты. Её нашли на крыше заброшенного здания. Она не падала — её убили там же, плёнкой. Но он привёл её туда, на самый верх. Заставил подняться по лестнице, зная, что каждый шаг для неё — пытка.

В комнате повисла тишина. Где-то за дверью гудели голоса, звонили телефоны, стучали шаги. Но здесь, в этом кабинете, время на секунду остановилось.

— Откуда вы знаете про фобии? — спросил Князев.

— От патологоанатома. Михаила Степанова.

Лицо Князева дрогнуло. Это было почти незаметно — лёгкое напряжение желваков, мгновенная тень в глазах, — но Ульяна заметила. Иван тоже.

— Степанов, — повторил следователь. Голос его не изменился, но что-то в нём появилось — не враждебность, скорее настороженность. — Вы говорили с ним?

— Да. Вчера. — Иван подался вперёд, опираясь локтями о стол. — И он нам не понравился. Он странный. Слишком интересуется деталями убийств. Слишком восхищается почерком маньяка. Он говорил об убийце как о художнике, понимаете? Называл его действия «искусством». И он носит перчатки, даже когда не работает с телами. Постоянно.

Князев помолчал, потом встал и подошёл к окну. Скрестил руки на груди и несколько секунд смотрел на серый двор, на мокрый асфальт, на голые деревья. Ульяна видела его лицо в профиль — резкое, с глубокими складками у рта, с тёмными кругами под глазами. За окном шёл дождь, капли стекали по стеклу, искажая лицо следователя, делая его похожим на отражение в том самом зеркале, перед которым умирали жертвы.

— Я знаю Степанова много лет, — сказал он наконец. Голос звучал глухо, как будто он говорил не с ними, а с самим собой. — С тех пор, как я перевёлся в этот город. Он работает в морге больше двадцати лет. Хороший специалист. Лучший в области, если честно. Добросо-

вестный. Всегда вовремя сдаёт отчёты, всегда точен в деталях. Я никогда не мог к нему придраться по работе.

Он замолчал. Ульяна ждала. Она чувствовала, что сейчас будет сказано что-то важное.

— Но... — продолжил Князев после долгой паузы, — я всегда чувствовал в нём что-то странное. Не мог сформулировать — пытался, но не мог. Это не было похоже на улику или на свидетельство. Скорее на ощущение. Он смотрит на тела не так, как другие патологоанатомы. Другие видят работу, а он видит что-то иное. Особенно когда жертвы — молодые женщины. Он задерживается рядом с ними дольше, чем нужно. Он задаёт вопросы, которые не относятся к делу: как она выглядела при жизни, какую музыку слушала, какой у неё был характер. Как будто... — он запнулся, подбирая слово, — как будто он коллекционирует их. Не тела — личности.

— Почему вы не отстранили его от дела? — спросил Иван.

Князев повернулся от окна и посмотрел ему прямо в глаза.

— Потому что у меня нет оснований. — Он развёл руками. — Ощущения, предчувствия, странные взгляды — этого недостаточно даже для служебной проверки, не то что для отстранения. Если бы я пошёл к начальству и сказал: «Мне кажется, наш патологоанатом странно смотрит на трупы», меня бы подняли на смех. А если бы я отстранил его без доказательств, он бы подал в суд — и выиграл бы. И тогда мы потеряли бы единственного специалиста, который может дать нам хоть какую-то зацепку. Вы понимаете, в каком я положении?

— Понимаем, — сказала Ульяна. — Но теперь у нас есть кое-что конкретное.

Иван выложил на стол копии документов из архива. Увольнение из больницы — не просто «по собственному желанию», а после внутреннего расследования, которое выявило подозрительно высокую смертность. Обвинение в «неподобающем поведении» — то самое, десятилетней давности, которое спустили на тормозах. И главное — совпадение адресов. Все четыре жертвы жили в одном районе. Все четыре посещали одну поликлинику. Ту самую, где когда-то работал Степанов.

Князев просматривал бумаги одну за другой. Ульяна видела, как его лицо меняется. От профессиональной невозмутимости к мрачной сосредоточенности. Он читал медленно, переспрашивал детали, возвращался к предыдущим страницам.

— Этого недостаточно для ареста, — сказал он наконец, откладывая последний лист. — Прямых доказательств нет. Всё косвенное. Хороший адвокат разнесёт это в пух и прах за полчаса.

— Но? — подтолкнул Иван.

— Но этого более чем достаточно для обыска. — Князев снял трубку телефона и набрал номер. — Машину к выезду. Группу из трёх человек. Обыск в рамках расследования дела «Целлофана». Записывайте адрес...

Он положил трубку и посмотрел на них.

— Вы едете со мной. Если Степанов — убийца, вы сэкономили нам недели работы. А если нет... — он сделал паузу, и его лицо стало жёстким, — вы должны увидеть это своими глазами, чтобы у вас не осталось иллюзий.

Они вышли из кабинета и ждали в коридоре, пока Князев отдавал последние распоряжения перед выездом. Ульяна прислонилась к стене и наконец выдохнула. Только сейчас она осознала, насколько была напряжена всё это время.

— Он нас не прогнал, — сказала она тихо. — Серьёзно. Мы пришли с улицы, два гражданских, рассказали ему про патологоанатома, и он не просто выслушал — он собирает группу для обыска. Как это вообще работает?

Иван стоял рядом, засунув руки в карманы джинсов. Он смотрел прямо перед собой, и на его лице было странное выражение. Не вина, но что-то близкое.

— Никак, — ответил он. — Это не работает. По крайней мере, не должно.

Ульяна повернулась к нему.

— Что ты сделал?

— Почему ты думаешь, что я...

— Ваня.

Он вздохнул и провёл рукой по волосам. Потом посмотрел на неё. Прямо, без обычной усмешки.

— Когда мы вошли, я пожал ему руку. И я почувствовал его. Он был... закрыт. Раздражён. Уставлен так, что каждое слово давалось с трудом. Он хотел поскорее от нас избавиться — выпроводить за дверь и забыть. Я почувствовал это очень ясно.

— И?

— И я немного... подтолкнул. Убрал раздражение. Совсем чуть-чуть. Добавил доверия — тоже каплю. Не чтобы он делал то, что я хочу, а чтобы он слышал нас. Чтобы он увидел, что мы не враги и не сумасшедшие. Что мы действительно можем помочь. — Он помолчал. — Его решение — его собственное. Я только убрал помехи. Как радио настраивают: ты не меняешь музыку, ты просто убираешь шум, чтобы её было слышно.

Ульяна молчала. В голове крутилось слишком много мыслей одновременно.

— Ты говорил, что не можешь управлять людьми, — сказала она наконец.

— Я и не могу. Я не заставил его делать то, чего он не хотел. Он сам решил нам помочь. Я просто... облегчил ему это решение. Убрал страх, убрал бюрократическую осторожность, убрал «это не по протоколу». Оставил только полицейского, который хочет поймать убийцу.

— Но это же... — она запнулась. — Это манипуляция.

— Да. — Он не стал отрицать. — Это манипуляция. И я не горжусь этим. Но у нас нет времени на протоколы и на то, чтобы Князев месяц раскачивался. Степанов где-то там, и он знает, что мы его ищем. Если бы я не вмешался, мы бы сейчас сидели в магазине и гадали, что делать дальше. А так у нас есть группа для обыска и полицейский, который на нашей стороне.

Ульяна смотрела на него и не знала, что чувствовать. Всё смешалось в один ком.

— Ты можешь сделать это с кем угодно? — спросила она.

— С большинством людей — да. Но это не безотказно. Если человек настроен категорически против, я не смогу его переубедить. Я не всемогущ, Уля. Я просто умею немного сглаживать углы.

— Ты поэтому приходил в мой магазин полгода? Потому что я была... эмоциональной? И ты мог на мне тренироваться?

— Я приходил, потому что рядом с тобой мне было хорошо, — сказал он тихо. — Потому что твои эмоции — яркие, настоящие, живые. Я не манипулировал тобой. Ни разу. Я просто был рядом. Иногда забирал избыток, когда ты злилась или тревожилась, но это всё. Я никогда не заставлял тебя делать то, чего ты не хотела.

Ульяна помолчала. Потом кивнула. Скорее себе, чем ему.

— Ладно. Пока оставим это. Но когда всё закончится, мы вернёмся к этому разговору.

— Когда всё закончится, я расскажу тебе всё, что ты захочешь знать. Обещаю.

В коридоре появился Князев. Он накинул куртку поверх формы и быстрым шагом направился к выходу.

— Машина ждёт. Выезжаем через пять минут.

Ульяна и Иван переглянулись и пошли за ним.

Дом Степанова стоял на окраине, в частном секторе, где улицы носили названия цветов, а заборы давно не красили. Обычный дом — серый, двухэтажный, с палисадником, заросшим сорняками по пояс. Вдоль дорожки, ведущей к крыльцу, росли кусты сирени — голые, мокрые, с торчащими во все стороны ветвями. Дом выглядел заброшенным, но это впечатление было обманчивым. Кто-то здесь жил. Кто-то, кто не хотел, чтобы его беспокоили.

Князев вышел из машины первым. За ним — трое оперативников в штатском. Иван и Ульяна держались позади, как им велели. Дождь снова начал моросить, и Ульяна подняла воротник куртки.

— Степанов Михаил Валерьевич! — громко произнёс Князев, подходя к двери. — Откройте. У нас постановление на обыск.

Тишина. Только дождь шуршит по листьям сирени. Князев подождал полминуты и кивнул оперативникам. Один из них достал инструменты и за минуту вскрыл замок.

Когда они вошли внутрь, Ульяна поняла, что обычным этот дом не был.

Первое, что она увидела, — зеркала. Десятки зеркал. Они висели на стенах, стояли на полу, лежали на полках, были прислонены к дверным косякам. Большие и маленькие, в тяжёлых резных рамах и без, старинные, с потускневшей амальгамой, и современные, блестящие. В коридоре, в гостиной, в кухне — всюду, куда падал взгляд, были зеркала. Они отражали друг друга, множили пространство, создавали бесконечные коридоры отражений, в которых можно было заблудиться, как в лабиринте. Ульяна видела себя одновременно в десяти поверхностях — бледное лицо, расширенные зрачки, тёмные волосы, мокрые от дождя.

— Господи, — прошептала она.

— Не отходи от меня, — тихо сказал Иван.

Полицейские рассредоточились по дому. Князев лично осматривал гостиную. Методично, как он привык работать, открывая ящики, проверяя полки, заглядывая под мебель. Один из оперативников поднялся на второй этаж. Другой остался в коридоре. Третий открыл дверь в подвал и замер.

— Товарищ полковник! — крикнул он. — Вы должны это увидеть.

Все спустились в подвал. Лестница была узкой и крутой, ступени скрипели под ногами. Внизу пахло сыростью, старым деревом и чем-то сладковатым, что Ульяна не смогла опознать. Подвал был оборудован — здесь явно проводили много времени. Бетонный пол, стеллажи вдоль стен, лампа под потолком, которая зажглась, когда один из оперативников дёрнул за шнур.

На стеллажах стояли стеклянные банки. Десятки банок, выстроенных ровными рядами. И в каждой банке — волосы. Тёмные, длинные, перевязанные чёрными нитками.

Ульяна подошла ближе. Ноги двигались сами собой, хотя всё внутри кричало: не смотри, не приближайся, уходи отсюда. Каждая банка была подписана. Аккуратным, почти каллиграфическим почерком — дата и имя.

«Алина. 12 сентября. Спектрофобия».

«Лена. 28 октября. Клаустрофобия».

«Светлана. 4 ноября. Айхмофобия».

«Елена. 18 ноября. Акрофобия».

И ещё одна банка. Пустая. Без имени. Без даты. Но Ульяна знала, для кого она предназначена. Знала с того самого момента, как переступила порог этого дома.

— Четвёртая жертва, — сказал Князев. Он стоял рядом, и его лицо, обычно такое сдержанное, сейчас выражало едва сдерживаемую ярость. — И ещё одна банка, пустая. Он приготовил её заранее.

— Для пятой, — закончила Ульяна. Её голос звучал странно спокойно, хотя внутри всё дрожало.

В этот момент наверху раздался шум. Кто-то крикнул: «Стоять! Полиция!» — и затопали шаги. Оперативник, который осматривал второй этаж, закричал:

— Он здесь! Уходит через заднюю дверь!

Все бросились наверх. Ульяна и Иван — за ними. В дальнем конце коридора распахнулась задняя дверь, и тёмная фигура метнулась через двор. Степанов. Он был без пальто, в

одном свитере, но двигался быстро — слишком быстро для человека его возраста. Он перемахнул через забор и исчез в зарослях на соседнем участке.

— Ушёл через задний двор! — крикнул оперативник.

Князев скомандовал преследование. Двое полицейских бросились за Степановым, но тот знал местность лучше, чем кто-либо. Через несколько минут они вернулись ни с чем — запыхавшиеся, злые, мокрые от дождя.

— Ушёл, — доложил один из них. — Там овраг, а за ним — гаражи. Он знал, куда бежать.

Князев ничего не сказал. Он стоял на заднем крыльце и смотрел в темноту. Его кулаки были сжаты. Ульяна видела, как на скулах заходили желваки.

— Объявляйте в розыск, — приказал он, не оборачиваясь. — Каждый патруль в городе должен получить его фото. Проверить вокзалы, автостанции, все выезды из города. Он не мог уйти далеко.

— Будет сделано, — ответил оперативник и скрылся в доме.

Князев повернулся к Ульяне и Ивану.

— Возвращайтесь в город. Запритесь в своём магазине и никуда не выходите. Я выставлю патруль у вашего дома. Прямо сегодня.

— Спасибо, — сказала Ульяна.

— Не благодарите пока. Мы его ещё не поймали. Но теперь он в розыске. Теперь каждый полицейский в городе знает его в лицо. — Он помрачнел. — Но есть и обратная сторона. Ему нечего терять. Он знает, что его ищут. И он знает, кто его сдал. Будьте осторожны. Очень осторожны.

——— Они вернулись в магазин уже затемно. Иван проверил все замки, все окна — методично, молча, как человек, который привык к опасности. Ульяна сидела за прилавком, обхватив себя руками, и смотрела на тёмную витрину. Дождь барабанил по стеклу, и в этом звуке ей чудились шаги — то приближающиеся, то удаляющиеся, то затихающие, то возникающие снова.

В доме Степанова она увидела достаточно, чтобы не спать несколько ночей. Банки с волосами. Зеркала, в которых отражалась пустота. Подвал, пропахший смертью. И пустая банка, ждущая своего наполнения.

— Четвёртая жертва была в его подвале, — сказала она. — Её волосы. Он хранил их как трофеи. И ещё одна банка... Он приготовил её для следующей. Для пятой.

— Теперь мы знаем наверняка, — ответил Иван. — Это он.

— Но он сбежал. И он знает, где я живу.

Иван ничего не ответил. Да и что тут было говорить? Он подошёл и сел рядом, взял её руку в свою. Его ладонь была тёплой, и Ульяна почувствовала, как по коже разливается знакомое спокойствие. На этот раз она не стала отдёргивать руку. Пусть забирает эмоции. У неё их слишком много.

Ночь тянулась медленно. Часы на стене тикали, отсчитывая минуты. Ветер за окном раскачивал голые ветви, и тени на полу шевелились. Иван остался в магазине, на диване у двери. Ульяна поднялась в спальню только под утро, когда небо начало сереть. Она закрыла глаза, но сон не шёл — перед глазами стояли зеркала Степанова. Десятки зеркал. И в каждом — её отражение.

Ульяна спустилась в магазин. Иван спал, сидя на стуле у двери, — видимо, так и не лёг. Его голова была откинута на спинку, руки скрещены на груди. Даже во сне он выглядел настроженным, готовым в любой момент проснуться.

Она подошла к входной двери, чтобы проверить замок — просто по привычке. И замерла.

На пороге лежал осколок зеркала. Маленький, с острыми краями, блестящий в тусклом утреннем свете. На нём была выцарапана цифра — «4».

Рядом лежал конверт. Обычный белый конверт, без марки, без адреса. Только цифра «4» — та же, что и на осколке.

Ульяна подняла его дрожащими руками. Разорвала.

Внутри был локон. Тёмные, длинные волосы, перевязанные чёрной ниткой. Её волосы. Она узнала их — узнала бы из тысячи. Тот же оттенок, та же длина, та же мягкость.

Она попятилась, прижимая конверт к груди. В висках застучала кровь. Воздух стал густым и холодным, как в том подвале, среди банок с волосами.

И тут она заметила то, чего не видела раньше. На раме окна, выходящего во двор, была царапина. Свежая — тонкая белая полоса на тёмном дереве, какие остаются от лезвия. Замок был цел, но кто-то вскрыл шпингалет снаружи — аккуратно, профессионально, не оставив следов на стекле. Только эта царапина. Только этот локон.

— Ваня! — крикнула она. Голос сорвался на шёпот. — Ваня, проснись!

Иван открыл глаза мгновенно, словно и не спал. Увидел её лицо, увидел конверт в её руках, увидел осколок на пороге — и всё понял без слов. Он встал и подошёл к ней, и она протянула ему свою находку.

— Он был здесь, — сказала Ульяна. — Ночью. Прямо у двери. Смотри. — Она указала на царапину. — Он вскрыл окно. Без взлома. Как профессионал. Пока мы спали, он стоял здесь и...

Она не договорила. Да и не нужно было.

Иван взял осколок и повертел его в руках. Цифра «4». Четвёртая жертва уже была — та самая, на крыше. Эта цифра — не для неё. Или для неё. Или он начал новый отсчёт.

— Он даёт понять, что я следующая, — сказала она. — Теперь охота изменилась. Теперь не мы ищем его — он ищет нас. Вернее, меня. Он знает, где я живу. Он знает, как я выгляжу. Он приходил сюда, пока мы были внутри, и мы даже не проснулись.

Иван отложил осколок и, помедлив лишь мгновение, обнял её. Без слов, без магии, просто обнял — крепко, надёжно, как будто мог закрыть её от всего мира. Она стояла, прижимаясь лицом к его плечу, и чувствовала, как его сердце бьётся ровно и спокойно — в контрасте с её собственным, заходящимся в панике.

— Мы найдём его раньше, — сказал Иван. — Князев объявил его в розыск. Каждый патруль в городе знает его в лицо. У него нет машины, нет денег, ему негде спрятаться. Он не продержится долго.

— Ты сам сказал: ему нечего терять. Человек, которому нечего терять, способен на всё.

— Я знаю. Поэтому сегодня ты не выходишь из дома. Вообще. Магазин закрыт. Я буду здесь, с тобой.

— А как же расследование? Как же Князев?

— Князев справится. У него теперь есть всё, что нужно: улики, банки, зеркала. Он знает, кто убийца. Осталось только поймать его.

Ульяна хотела возразить, но сил не было. Она кивнула и снова прижалась к Ивану.

На улице рассвело окончательно. Пасмурный свет залил магазин, и в этом свете осколок на пороге блестел, как осколок льда. Цифра «4». Предупреждение. Послание. Обещание.

Охота шла полным ходом. И теперь Ульяна знала наверняка: она больше не охотник. Она — добыча.

ГЛАВА 10. ТЕПЛО

Осколок лежал на прилавке.

Маленький, с острыми краями, он поблёскивал в тусклом утреннем свете, и цифра «4», выцарапанная на стекле, казалась насмешкой — холодной, жестокой, почти интимной. Ульяна смотрела на него, не в силах отвести взгляд. Рядом лежал пустой, разорванный конверт и локон её волос, перевязанный чёрной ниткой. Её волосы. Он был здесь. Он стоял у её двери, пока она спала. Он касался её. Эта мысль была невыносимой, и она повторялась в голове снова и снова, как заезженная пластинка: он был здесь, он был здесь, он был здесь.

За окном моросил дождь. Мелкий, бесконечный. Ей чудилось, что в этом ритме есть что-то нарочитое, что дождь не просто идёт, а что-то скрывает: шаги, дыхание, шёпот. Она сидела на стуле за прилавком, обхватив себя руками, и её била дрожь — мелкая, противная, не от холода, а от ужаса, который поселился где-то в основании позвоночника и не желал уходить.

Иван закрыл дверь на засов, проверил окна, задний вход, снова окна. Она слышала его шаги, методичные, спокойные. Это спокойствие раздражало её больше всего. Не потому что оно было неуместным. Наоборот, потому что оно было именно тем, что ей сейчас требовалось. Якорем. Точкой опоры. Единственным, что удерживало её от истерики.

— Перестань ходить! — Её голос сорвался на крик. — Просто перестань! Ты ходишь и ходишь, как будто это что-то изменит! Он был здесь, Ваня! Здесь! У моей двери! Он трогал мои волосы! Он трогал меня пока я спала! А я ничего не слышала! Ничего!

Она вскочила со стула и начала мерить шагами магазин — точь-в-точь как он минуту назад. Её руки тряслись, голос дрожал, а внутри всё кипело — страх, ярость, бессилие, унижение. Она не могла сидеть на месте. Не могла успокоиться. Не могла думать ни о чём, кроме того, что он приходил, и она была беззащитна.

— Ты понимаешь, что это значит? — Она резко развернулась к Ивану. — Он может прийти снова! Сегодня! Завтра! Когда угодно! Он знает, где я живу! Он знает, как я выгляжу! Он знает всё! А я... я просто сижу здесь и ничего не делаю! Я даже не проснулась, когда он...

— Уля.

— Нет, не «Уля»! Не надо меня успокаивать! Я не хочу успокаиваться! Я хочу... я хочу...

— Что?

— Я не знаю! — Она всплеснула руками. — Я хочу что-нибудь сделать! Разбить что-нибудь! Закричать! Ударить его! Но я не могу, потому что его здесь нет! А ты... ты просто ходишь и проверяешь замки, как будто это поможет!

Иван стоял, прислонившись к прилавку, и смотрел на неё. Спокойно. Терпеливо. Без осуждения. Она ненавидела это его спокойствие. Ненавидела и одновременно мечтала утонуть в нём.

— Ты закончила? — спросил он.

— Нет!

— Тогда продолжай.

— Мне нечего продолжать! — Она остановилась посреди магазина, тяжело дыша. Грудь вздымалась, волосы растрепались, щёки горели. — Я просто... я просто устала. Устала бояться. Устала ждать.

Она замолчала. Тишина в магазине была такой плотной, что её можно было резать ножом. Иван не двигался. Он просто стоял и смотрел на неё. В его взгляде не было ни страха, ни раздражения, ни желания поскорее сбежать. Только внимание. Глубокое, полное, абсолютное. Как будто она была единственным человеком в мире.

— Дай мне руку, — сказал он.

— Зачем?

— Дай. Мне. Руку.

Его пальцы сомкнулись вокруг её запястья. И мир изменился.

Тепло хлынуло в неё — не мягкое, не постепенное, а мощное, всепоглощающее, как волна. Оно поднялось от его ладони вверх, к локтю, к плечу, к груди, затопило всё тело. Дрожь исчезла мгновенно, словно кто-то выключил её одним движением. Паника, только что сжимавшая горло ледяной рукой, отступила, растаяла, растворилась в этом потоке. Ульяна почувствовала, как расслабляются плечи, как распрямляется сведённая спазмом диафрагма, как дыхание становится глубже и ровнее.

Но сегодня что-то было иначе.

Сегодня тепло не просто успокаивало. Оно проникало глубже. Под кожу, под рёбра, куда-то в самое нутро. Оно пульсировало, как сердцебиение, и от этой пульсации по телу разливалась странная, почти болезненная истома. Она чувствовала каждый свой вдох, каждое прикосновение ткани к коже, каждую каплю дождя, барабанищую по стеклу. Все ощущения стали острее, ярче, насыщеннее. И она чувствовала его. Не просто тепло его руки — а его самого. Его присутствие. Его желание. Его эмоции, которые он, кажется, больше не пытался скрывать.

— Что ты делаешь? — прошептала она. Её голос прозвучал ниже обычного — грудной, хриловатый, чужой.

— Забираю твой страх, — ответил он. Его голос тоже изменился — стал глубже, ниже, и в нём появилась какая-то новая, бархатная интонация.

— Это не просто страх.

— Я знаю.

— Ты забираешь не только страх.

— Я знаю. — Его глаза блеснули в полумраке. — Я забираю всё. И отдаю обратно. Спокойствие. Тепло. И...

— И?

— И то, что ты чувствуешь прямо сейчас.

Она хотела отдернуть руку. Правда хотела. Но не могла. Его ладонь держала её запястье — не крепко, но уверенно, — и отпускать не хотелось. Хотелось, наоборот, чтобы он взял её за вторую руку. Чтобы прижал к себе. Чтобы сделал что-то — что угодно, — лишь бы это тепло не прекращалось.

— Ты специально это делаешь, — сказала она.

— Что именно?

— Не притворяйся. Ты используешь свой дар, чтобы я... чтобы я...

— Чтобы ты что? — Он чуть наклонил голову набок, и на его губах заиграла та самая полуулыбка — наглая, обаятельная, невыносимая.

— Чтобы я перестала соображать.

— А ты хочешь соображать?

Она открыла рот, чтобы ответить, и не нашла слов. Потому что нет, она не хотела. Она устала соображать. Она устала быть сильной, собранной, ответственной. Она хотела хоть на минуту перестать думать и просто чувствовать.

— Вот именно, — сказал он, хотя она ничего не произнесла вслух. — Я не добавляю ничего нового. Я просто убираю помехи. Страх. Панику. Всё, что тебе мешает. А то, что ты чувствуешь сейчас, — это ты сама. Без фильтров. Без страха. Без «правильно-неправильно». Просто ты.

Она смотрела на него. Он был прав. Она знала, что он прав. Она действительно хотела его. Хотела давно, с самого начала, с того дня, когда он вошёл в её магазин в своём дурацком костюме. Просто страх мешал. Страх, что это неправильно, что она будет выглядеть смешной. А теперь страха не было. И осталось только желание — чистое, обнажённое, не замутнённое ничем.

— Ты младше, — сказала она. Но это прозвучало не как протест. Скорее как последняя, слабая попытка удержаться за реальность.

— Ты опять про возраст? — Он усмехнулся, но в его глазах по-прежнему была нежность.

— Я всегда про возраст. Это моя любимая тема.

— А моя любимая тема — ты.

— Побегай за кем-то другим.

— Я не хочу бегать. — Он наклонился ближе. — Я хочу женщину, которая разговаривает с пальто, пьёт горячий шоколад с корицей и матерится, когда роняет вешалки.

— И которая старше.

— Какая старше, — согласился он. — Это добавляет пикантности.

— Пикантности? — Она чуть не поперхнулась. — Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно. — Его пальцы всё ещё сжимали её запястье, и тепло продолжало пульсировать между ними — медленно, ритмично, как прибой. — Мне нравится, что ты смотришь на меня сверху вниз. В переносном смысле, потому что в прямом я выше. Мне нравится всё, что с тобой связано.

Она не знала, что ответить. Да и не хотела отвечать. Она хотела, чтобы он продолжал говорить и одновременно чтобы замолчал и поцеловал её. Это противоречие пульсировало в ней вместе с его теплом, и она не знала, сколько ещё сможет выдержать.

Он отпустил её запястье. Она едва не застонала от разочарования — но в следующую секунду его руки легли на её талию. Медленно. Осторожно. Давая ей время отстраниться, если она захочет.

Она не отстранилась.

Его ладони были горячими даже сквозь ткань свитера. Большие пальцы лежали на её тазовых костях, а остальные обхватывали талию — уверенно, но не грубо. Он не притягивал её к себе, просто держал. И ждал.

— Ты чувствуешь мои эмоции прямо сейчас? — спросила она.

— Да.

— И что ты чувствуешь?

— Ты хочешь, чтобы я... — Он сделал паузу.

И он поцеловал её.

Это был не робкий первый поцелуй, не осторожное касание губ. Его руки на её талии сжались крепче, притянули ближе, и она прижалась к нему всем телом. Грудь к груди, живот к животу. Он был твёрдым и горячим, и она чувствовала каждый изгиб его тела сквозь тонкую ткань футболки. Его ладони скользнули вверх по её спине, забираясь под свитер, и прикосновение к обнажённой коже было как удар током. Она выдохнула ему в губы — коротко, прерывисто, — и запустила пальцы в его волосы. Они были мягкими, чуть влажными после дождя, и она сжала их, притягивая его ещё ближе, хотя ближе уже было некуда.

Он оторвался от её губ и провёл дорожку поцелуев по подбородку, по шее, по ключице. Его губы были горячими. Улыбка тихо застонала, почти беззвучно, но он услышал. Конечно, услышал. Он чувствовал каждую её эмоцию. И, судя по тому, как его пальцы впились в её талию, эти эмоции ему нравились.

— Ты дрожишь, — прошептал он ей на ухо.

— Это не страх.

— Я знаю. — Она почувствовала его улыбку кожей. — Хочешь знать, что я чувствую прямо сейчас?

— Да.

— Желание. Любопытство. Немного страха — но не передо мной. Ты боишься, что это неправильно.

— Ты говорил, что убрал страх.

— Этот страх я не могу убрать. Он слишком глубоко. Он часть тебя. Но я могу сделать так, чтобы он замолчал. Хотя бы ненадолго.

Он снова коснулся губами её шеи, и она действительно забыла о страхе. Забыла обо всём. Осталось только его тело, прижатое к ней, его руки, блуждающие по её спине, его губы, шепчущие что-то неразборчивое. Она чувствовала, как напряжение между ними — то самое, что копилось все эти дни, все эти полгода, — наконец находит выход. И это было похоже на грозу после долгой засухи.

Они целовались, пока воздух в лёгких не кончился. Пока колени не начали подгибаться. Пока Ульяна не поняла, что если они продолжают в том же духе, то уже не смогут остановиться. Она мягко отстранилась. Не потому что хотела, а потому что нужно было перевести дух и вспомнить, что они вообще-то посреди расследования.

— Мы должны... — начала она.

— Знаю, — перебил он. — Продолжать расследование. Маньяк. Осколок. Виктор Михайлович. Всё такое.

— Да.

— Но сначала... — он провёл большим пальцем по её нижней губе, — я хочу, чтобы ты кое-что запомнила.

— Что именно?

— Мне всё равно, сколько тебе, сколько мне, и что там думают другие. И я не уйду. Ни сегодня. Ни завтра. Пока ты сама меня не прогонишь.

Он поцеловал её ещё раз — нежно, почти целомудренно, — и это было таким контрастом к тому, что они только что делали, что Ульяна рассмеялась.

— Ты странный, — сказала она.

— Я в курсе.

— Ты эмпат, владелец бара, бывший спортсмен. И ты целуешься как бог.

— Как тупой спортсмен?

— Как бог, я сказала.

— Я услышал. — Он улыбнулся. — Просто решил уточнить.

Она закатила глаза и пихнула его в плечо. Потом прижалась к нему и несколько секунд просто стояла, уткнувшись лицом в его грудь. Его сердце билось ровно и спокойно, в контрасте с её собственным, которое всё ещё заходило в галопе.

— Нам нужно снова связаться с Виктором Михайловичем, — сказала она наконец.

— Знаю.

— Рассказать про осколок, про локон. Пусть подключает своих людей.

— Знаю.

— Ты только и делаешь, что говоришь «знаю».

— Потому что я действительно знаю. Я знаю всё, что ты скажешь, ещё до того, как ты это скажешь.

— Это из-за эмпатии?

— Нет. — Он поцеловал её в макушку. — Это потому что ты предсказуема.

Она фыркнула и отстранилась. Поправила свитер, провела рукой по волосам и бросила последний взгляд на осколок, всё ещё лежащий на прилавке. Цифра «4» всё так же холодно поблёскивала на стекле. Но теперь она не казалась насмешкой. Она казалась вызовом.

ГЛАВА 11. ДНЕВНИКИ

Следователь приехал через час после того, как стемнело.

Они не ждали его. Ульяна и Иван как раз сидели за прилавком, обсуждая, что делать дальше. Степанов в бегах уже вторые сутки. Патрули прочёсывали город, но безрезультатно. Они собирались позвонить следователю утром — но он опередил их.

Машина остановилась у витрины. Тёмный седан, без мигалок, без опознавательных знаков. Ульяна увидела, как из него вышел следователь — в штатском, в тёмном пальто, с портфелем в руке. Он поправил воротник и быстрым шагом направился к двери.

— Он без формы, — заметил Иван.

— Может, не хотел привлекать внимание, — сказала Ульяна, открывая дверь.

Мужчина шагнул внутрь, стряхивая капли дождя с плеч. Он был в тёмном свитере, в пальто, и только серебряная запонка на левом рукаве — одинокая, без пары, — напоминала о его профессии. Левая рука, как всегда, в перчатке.

— Виктор Михайлович? Что-то случилось?

— Ничего хорошего. — Он прошёл к прилавку, положил портфель и оглядел магазин. Его взгляд задержался на вишнёвой кофте, висевшей у входа. На долю секунды дольше, чем нужно. — Я приехал сам, потому что не хочу, чтобы нас слышали в участке.

Иван поднялся со стула.

— Почему?

— Потому что Степанов знает о каждом нашем шаге. Он ушёл за десять минут до обыска. Кто-то предупредил его.

— Вы думаете, у него есть информатор в участке? — спросила Ульяна.

— Я думаю, что кто-то в участке знает больше, чем говорит. — Князев открыл портфель. — И я привёз то, что нашёл при повторном обыске. То, что не стал показывать коллегам.

Он разложил на прилавке бумаги, фотографии, карту. И две тетради в кожаных обложках — старые, потёртые, пахнущие сыростью.

— Дневники Степанова. Он вёл их годами.

Ульяна взяла первую тетрадь. Пальцы коснулись тиснения — и на секунду её захлестнуло эхо чужих эмоций. Восхищение. Зависть. Одиночество — такое густое и вязкое, что ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отдёргнуть руку.

Она открыла дневник. Почерк — мелкий, убористый, почти каллиграфический, тот самый, которым были подписаны банки с волосами.

«...Алина. Я наблюдал за ней три недели. Спектрофобия — боязнь зеркал. С детства не могла смотреть на своё отражение в темноте. Она была прекрасна — длинные волосы, бледная кожа, тёмные глаза. Версия 1. Первая...»

«...Лена. Вторая. Клаустрофобия. Боялась замкнутых пространств до дрожи, до тошноты. Я был там потом, после того как тело увезли. Стоял и смотрел на подвал и думал: как можно додуматься до такого? Не просто убить — сделать страх оружием...»

«...Светлана. Третья. Айхмофобия — боязнь острых предметов. Нож лежал рядом с телом. Её не зарезали — её задушили плёнкой, как и остальных. Но нож был там. Он хотел, чтобы она его видела. Чтобы боялась. Это искусство — заставить человека умирать от того, чего он боится больше всего...»

«...Елена. Четвёртая. Акрофобия — боязнь высоты. Её нашли на крыше. Она не падала — её убили там же, плёнкой. Но Он заставил её подняться. Каждая ступень была пыткой. И Он смотрел. Он всегда смотрит...»

«...Я видел её. Она приходила в морг. Тёмные волосы, тёмные глаза, острые скулы. Она похожа на них — на всех них, — но она особенная. В ней есть огонь. Я сразу понял: она — финал...»

Ульяна закрыла дневник. Пальцы дрожали.

— Он пишет обо мне. В последней записи. «Приходила в морг». И кого он называет "Он"? Раздвоение личности?

— Да, — сказал Князев. — Я прочитал это. Степанов был одержим жертвами. Он следил за ними, коллекционировал их вещи, вёл этот каталог.

Князев помолчал и взял вторую тетрадь.

— Здесь записи более старые. Степанов пишет о том, как пытался — много лет назад. У него не вышло. Руки дрожали. Не хватило решимости. И тогда он... выбрал другую роль.

— Я хочу сказать, что у меня есть сомнения. — Князев развернул карту. — Смотрите. Четыре места преступлений. Если соединить их линиями, получается почти правильный ромб. А внутри — пустое пространство. Вот здесь. — Он ткнул в центр. — Сквер у набережной. Идеальное место. Безлюдное. Тёмное.

— Вы думаете, Степанов там? — спросил Иван.

— Я думаю, он может там появиться. Если создать правильную приманку.

— Какую? — спросила Ульяна, хотя уже знала ответ.

Князев повернулся к ней. Его взгляд скользнул по её лицу — по волосам, по скулам, по губам. Задержался на секунду дольше, чем нужно.

— Вас. Завтра вечером. Вы выходите в сквер одна. Мы с Иваном в машине, плюс двое моих людей в штатском. Если Степанов клюнет — мы его берём.

— Нет, — отрезал Иван.

— Ваня...

— Я сказал: нет. — Его голос был спокойным, но в нём звенела сталь. — Мы уже говорили об этом. Я не позволю использовать её как приманку.

— У вас есть другое предложение? — Князев приподнял бровь. — Сидеть и ждать, пока он придёт снова? Ждать, пока он убьёт?

Иван молчал. Ульяна видела, как ходят желваки на его скулах.

— Это опасно, — сказал он наконец.

— Я обеспечу прикрытия. Двое моих людей. Я сам буду в машине. Десять секунд — и мы рядом.

— Десять секунд — это много.

— Это всё, что у нас есть. — Князев посмотрел на Ульяну. — Решение за вами.

— Я согласна, — сказала она.

Иван резко выдохнул и стукнул по столу.

Князев кивнул. Его взгляд снова упал на прилавок, где лежал осколок с цифрой «4» и локон волос Ульяны в разорванном конверте. Он замер. Что-то изменилось в его лице — не угроза, но странный, почти болезненный интерес.

— Можно? — спросил он и, не дожидаясь ответа, взял осколок в руки. Поднёс к свету. Провёл пальцем по цифре «4» — медленно, почти ласково. — Четыре, — произнёс он задумчиво. — Четвёртая жертва была на крыше. А этот осколок — для кого?

— Это послание, — сказала Ульяна. — Он даёт понять, что я следующая.

— Послание, — повторил Князев. Он отложил осколок и взял локон. Провёл по тёмным волосам кончиками пальцев — тем же медленным, заворожённым жестом. Поднёс к лицу. Вдохнул — едва заметно, но Ульяна заметила.

— Лаванда, — сказал он тихо. — Она всегда пахнет лавандой.

— Что значит «всегда»? — резко спросил Иван, поворачиваясь от окна.

Князев поднял на него глаза. На секунду в них мелькнуло что-то — не раздражение, скорее удивление, как будто он забыл, что не один в комнате.

— Все жертвы, — сказал он, аккуратно кладя локон обратно. — У каждой был свой запах. Алина пользовалась лавандовым мылом. Лена — духами с лавандой. Светлана хранила саше в шкафу. Елена — то же самое. Это деталь из протоколов. Я просто сопоставил.

— Вы помните такие мелочи? — спросила Ульяна.

— Я помню всё, что касается этого дела. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — Это моя работа.

Он не уходил. Иван стоял напротив, скрестив руки, и Ульяна видела, как напряжены его плечи. Князев же, казалось, не замечал этого напряжения. Он снова бросил взгляд на осколок. На локон. На кофту у входа. На Ульяну.

— Виктор Михайлович, — сказала она. — Уже поздно.

— Да. — Он выпрямился. — Да, конечно.

Он взял портфель и направился к выходу. У двери обернулся.

— И, Ульяна... — он помедлил, и его лицо на секунду стало каким-то другим — не профессиональным, не сдержанным. — Будьте осторожны. Этот человек... он не просто хочет вас убить. Он хочет сохранить вас. Запечатлеть. Как всех остальных. — Он помолчал. — Вы особенная. Он не упустит вас.

И вышел.

Дверь закрылась. Колокольчик звякнул и затих.

Ульяна стояла, глядя на дверь, и чувствовала, как внутри разрастается холод. Иван подошёл и встал рядом.

— Мне не нравится, как он на тебя смотрит и что чувствует, — сказал он.

— Мне тоже.

— И он не хотел уходить. Ты заметила?

— Заметила. — Она повернулась к Ивану. — Он помнит все детали.

— Хороший следак?

— Да. — Она помолчала. — Возможно.

— И он сказал «вы особенная». — Иван сжал её ладонь. — Теми же словами, что Степанов в дневнике.

— Дневник он нам и привёз. Он знал, что мы прочитаем.

Они молча анализировали новую информацию.

—
Он видит её.

Тёмно-вишнёвая кофта. Длинные тёмные волосы. Бледная кожа. Острые скулы. Она стоит перед зеркалом в каком-то секунд-хенде и фотографирует себя. Наивная. Живая. Красивая. Она похожа на мать сильнее, чем все предыдущие. Не просто типаж — почти портрет. Те же пропорции лица, тот же изгиб бровей, та же линия рта. Если бы он не знал, что мать умерла тридцать лет назад, он бы подумал, что это она.

Он смотрит на фотографию и чувствует, как внутри что-то сжимается. Не желание — нет. Что-то глубже. Что-то древнее, как его детский страх перед темнотой.

Он начинает следить за ней. Узнаёт её имя — Ульяна. Узнаёт адрес — двухэтажная квартира, магазин на первом этаже. Узнаёт, что она не замужем, что у неё нет детей, что она живёт одна. Почти идеальная жертва.

Но есть проблема. Она начала задавать вопросы. Она нашла кофту. Она что-то видела. Он не знает, что именно, но она видела достаточно, чтобы начать расследование. Она опасна.

И в то же время — она идеальна.

Он оставляет осколок с цифрой «4» у её двери. Это не её номер. Это послание. Четыре попытки. Четыре версии. И все они были лишь прелюдией. Подготовкой к встрече с ней.

Она — не пятая версия. Она — даже не версия вообще. Она — финал. Та, ради которой всё это. Та, после которой каталог закроется, а счёт прекратится.

Он ещё не решил, какую цифру поставит для неё. Может быть, «0» — нулевая версия, исходник, оригинал, точка отсчёта. А может быть, он вообще не оставит осколка. Потому что она не эскиз. Она — готовая картина. Та, ради которой художник брал в руки кисть.

Он кладёт конверт с её локоном — он срезал прядь, когда она спала, и она даже не проснулась. Вскрыл окно во дворе — аккуратно, профессионально, — оставив только царапину на раме. Он даёт ей понять: ты следующая. Ты — та, ради которой всё это.

Он стоит в темноте, на другой стороне улицы, и смотрит на её окно. Он видит, как она поднимает конверт. Видит, как её лицо искажается страхом. И чувствует почти то же самое, что чувствовал тогда, перед своим первым зеркалом.

Но есть и другое. Что-то, чего он не ожидал. Когда она смотрит на осколок, когда её пальцы дрожат, когда она зовёт своего спутника по имени — он чувствует не только торжество. Он чувствует... интерес. Не просто охотничий азарт. Что-то человеческое. Что-то, что он давно похоронил.

Она не просто финал. Она — вызов. Она — доказательство. Если он заберёт её душу, если запечатлеет её отражение в зеркале, — может быть, тогда мать наконец замолчит. Может быть, тогда пустота заполнится. Может быть, тогда каталог будет завершён.

Может быть, тогда он станет свободен.

Он отступает в тень и исчезает в ночи. Завтра будет новый день. Завтра охота продолжится. А пока — он возвращается домой, садится перед зеркалом матери и смотрит в её мёртвые глаза.

— Я нашёл её, — говорит он. — Она идеальна.

Зеркало молчит.

Но ему кажется — или уголки её губ дрогнули в улыбке?

ГЛАВА 12. ПОДГОТОВКА

Кофта висела на своём месте — вишнёвая, неподвижная, молчаливая. Теперь она просто висела, как часть интерьера, как вещь, которая всегда здесь была и всегда будет. Она стала чем-то вроде молчаливого свидетеля — того, кто видел всё и не рассказал ни слова.

Ваня сидел за прилавком и методично, сосредоточенно проверял снаряжение. Он разложил перед собой небольшой арсенал: складной нож с тёмной рукоятью, баллончик с перцовым спреем, кастет, который он надевал на тыльную сторону ладони — старая привычка с тех времён, когда дар ещё не работал как следует, и приходилось полагаться только на кулаки. Его пальцы двигались быстро, скупно, без лишних движений. Так двигаются руки человека, который делал это сотни раз.

— Ты выглядишь как киллер из дешёвого боевика, — сказала она, отпивая напиток. Он уже остыл, но она продолжала держать кружку — просто чтобы чем-то занять руки.

— А ты выглядишь как женщина, которая собирается на свидание с маньяком. — Иван не поднял головы, но уголки его губ дрогнули. — Хотя нет. Для свидания ты слишком спокойна.

— Это не спокойствие. Это шок. Разница есть.

— Есть. — Он наконец отложил нож и посмотрел на неё. — Шок проходит. А ты держись уже которую ночь.

Она пожала плечами и сделала ещё глоток. Напиток был горячим когда-то, а теперь едва тёплым. Иван сварил его сам, молча, без обычных подколов. Может быть, поэтому он казался вкуснее обычного. Или, может быть, дело было в том, что каждый глоток мог стать последним спокойным глотком в её жизни. От этой мысли хотелось смеяться. Или плакать. Она так и не решила.

— Как думаешь, что будет после? — спросила она, глядя в кружку, на тёмную гущу на дне. — Если всё получится. Если мы его поймем.

Иван помолчал. Отложил кастет, провёл ладонью по волосам, несколько светлых прядей выбились у висков, прилипая к влажной коже. В магазине было душно, несмотря на открытую форточку.

— Я хочу увезти тебя куда-нибудь, — сказал он наконец. — Туда, где нет зеркал.

— Зеркала — моя работа. Я продаю старые вещи, забыл? Половина ассортимента — винтаж.

— Тогда купим тебе новые. Без трупов.

Она фыркнула — получилось что-то среднее между смехом и всхлипом:

— «Без трупов» звучит как отличный слоган для рекламы. *«Второе дыхание» — магазин, где вещи не хранят воспоминания о смерти».*

— Я бы купил. — Он посмотрел на неё в упор, и в его серых глазах не было ни тени улыбки. — Всё, что угодно.

— Ты слишком серьёзен, — сказала она тихо.

— А ты слишком красива.

— Это был комплимент?

— Это был факт. — Он взял её за руку, переплёл их пальцы. Его ладонь была горячее и сухой. — Я чувствую твои эмоции, забыла? Прямо сейчас ты боишься. Но не его. Ты боишься, что я пострадаю. Что я полезу под пули. А ещё ты боишься, что всё это — зря. Что мы ошибаемся. Что мы упустили что-то важное.

— А мы упустили?

— Не знаю. — Он покачал головой. — Но я знаю другое: если сегодня что-то пойдёт не так, я буду рядом. И если он попытается забрать тебя — я его убью.

Она вздохнула и прижалась лбом к его плечу. От него пахло кофе, теплом, уютом и безопасностью.

Он взял её лицо в ладони и поцеловал. Медленно, нежно, без той жадности, что была раньше. Как будто у них было всё время мира. Как будто этот поцелуй был обещанием — вернуться, выжить, остаться вместе. И она ответила, забыв о кружке, о кофе, о зеркалах.

Где-то в глубине магазина тихо звякнула вешалка — сквозняк качнул кофту. Но они не услышали.

Телефон на прилавке завибрировал. Ульяна глянула на экран: номер скрыт.

— Алло?

В трубке было молчание. Долгое, тягучее. Потом — дыхание. Медленное, размеренное. И голос — низкий, искажённый, будто говорили через ткань или марлю:

— Я жду тебя.

Ульяна замерла. Пальцы сжали телефон так, что побелели костяшки.

— Кто это?

— Ты знаешь. — Голос был спокойным, почти ласковым. — Ты видела меня. Ты чувствовала меня. Каждую ночь. В каждом зеркале.

— Степанов? — прошептала она.

Тихий смех в трубке — сухой, безжизненный.

— Ты — финал. Моя последняя версия. И сегодня...

— Что сегодня?

— Сегодня ты займёшь своё место. В зеркале. Навсегда.

Короткие гудки.

Ульяна опустила телефон. Руки дрожали. Иван тут же оказался рядом.

— Кто это был?

— Он. — Она облизала пересохшие губы. — Кажется, Степанов. Он сказал, что я скоро стану его. Что мне не убежать.

Иван взял телефон, проверил номер — скрыт. Потом посмотрел на Ульяну.

— Это меняет дело. Он знает, что мы готовим операцию.

— Или он просто хочет запугать.

— Может. — Иван помолчал. — Но теперь мы точно знаем: он клюнет. Он ждёт тебя.

— Значит, план работает.

— Значит, план работает. — Он сжал её ладонь.

Участок встретил их привычным запахом хлорки и гулом голосов. Но сегодня в этом гуле было что-то новое — напряжение, которое висело в воздухе, как наэлектризованная паутина перед грозой. Люди двигались быстрее, говорили тише, и даже дежурный за стойкой не клевал носом, а сидел прямо, с красными от недосыпа глазами, и нервно крутил ручку в пальцах.

Виктор Михайлович ждал их в кабинете. Сегодня он был в форме — китель, галстук, начищенные ботинки. Запонки на месте, обе, с двуглавым орлом. Он выглядел собранным, подтянутым, но Ульяна заметила тени под глазами — глубокие, почти чёрные, — и то, как он машинально потирал левое запястье, когда думал, что никто не видит. Левая рука, как всегда, в перчатке. Станный жест — она замечала его и раньше, но не придавала значения. Теперь же он вдруг показался ей важным. Как деталь пазла, которая лежит не на своём месте, но ты ещё не знаешь, куда её вставить.

Иван пожал следователю руку — и на секунду замер. Ульяна заметила, как дрогнули его веки. Он ничего не сказал, но когда Князев отвернулся к карте, Иван бросил на Ульяну короткий взгляд — тревожный, предупреждающий.

На столе была развёрнута карта города. Та самая, с красными булавками — четыре жертвы. И одна синяя — сквер у набережной.

— Садитесь, — сказал он. — Инструктаж.

Они сели. Следователь достал указку — старую, деревянную, с облупившимся лаком, — и начал водить по карте, как генерал перед боем.

— Сквер у набережной. Десять часов вечера. В это время года там почти никого нет: редкие собачники уже разошлись, парочки не гуляют из-за дождя. Освещение плохое — фонари через один, да и те старые, ещё советские, тусклые, как керосинки. Тени от тополей густые, аллеи извилистые, есть старая эстрада в глубине сквера — заброшенная, с битыми скамейками. Идеальное место для того, кто хочет остаться незамеченным.

— Вы — та, кого он искал все эти годы. Последний штрих. Завершение. Он не сможет устоять. Даже если заподозрит ловушку — его одержимость перевесит осторожность. Таков паттерн. Таких, как он, ловят именно на этом — на неспособности остановиться.

— А если он всё-таки устоит? — спросил Иван.

— Тогда мы ничего не теряем. Попробуем другую тактику. Но я почти уверен: он придёт. — Виктор Михайлович помедлил. — Более того — я думаю, он знает, что мы готовим операцию. Он следил за нами — следил за Ульяной, за вами, за мной. Он знает про магазин, ваш номер. Скорее всего, он знает и про сквер. Но именно поэтому он придёт. Потому что это вызов. А он не из тех, кто отступает перед вызовом.

В комнате повисла тишина. Ульяна смотрела на карту, на синюю булавку, на тёмный квадрат сквера у реки, и пыталась представить себе человека, который где-то там, в городе, уже знает об их плане. И всё равно придёт. Потому что не может не прийти.

— Что ж, — сказала она наконец. — Если он хочет меня — пусть попробует взять.

Виктор Михайлович перевёл указку на точку в пятидесяти метрах от центральной аллеи.

— Мы с Иваном будем здесь, в машине. Тёмно-синий «Форд», не привлекает внимания. Двое моих людей в штатском — здесь и здесь, — он указал на две точки в кустах, — с рациями и оружием. Ульяна идёт по центральной аллее одна. В наушниках — музыка, чтобы не дёргалась от каждого шороха. В воротнике — микрофон. Мы слышим каждое слово. В случае опасности — крик, и мы подходим. Десять секунд. Может быть, меньше.

— Я тоже хочу слышать, — сказал Иван. — Каждое слово. Каждый вдох.

Следователь помедлил. Положил указку на стол, взял кружку с остывшим чаем, сделал глоток.

— Это нестандартно.

— Мне плевать. Она — моя женщина. Я буду слышать всё, что с ней происходит.

Ульяна бросила на него короткий взгляд — «твоя женщина», ну надо же, — но промолчала. Потому что, чёрт возьми, сейчас было не время для споров о формулировках. И потому что где-то глубоко внутри ей нравилось, как это звучит.

— Хорошо. — Виктор Михайлович кивнул. — Вы получите параллельный канал. Но предупреждаю: если вы вмешаетесь раньше времени, операция провалится. Убийца умён. Он чувствует опасность. Он знает наши методы — не спрашивайте откуда, но знает. Если он заподозрит неладное, он уйдёт, и второго шанса у нас не будет. Вы понимаете?

— Понимаю, — сказал Иван.

Следователь повернулся к Ульяне.

— Ваша задача: идти медленно, выглядеть естественно. Вы гуляете. Вы слушаете музыку. Вы не знаете, что за вами следят. Если он подойдёт — не геройствуйте. Не пытайтесь его обезвредить. Тяните время. Задавайте вопросы. Мы будем рядом.

— Какие вопросы? — Она усмехнулась, но усмешка вышла невесёлой. — Почему вы убиваете таких как я?

Виктор Михайлович не улыбнулся. Его лицо осталось таким же спокойным, но что-то в нём изменилось — какая-то тень пробежала в глубине глаз, как облако, на секунду закрывшее солнце.

— Спросите про цифры. Почему они не по порядку. Это собьёт его с толку — он не ожидает, что жертва знает про систему. Пока он будет объяснять, мы подойдём.

— А если он не объясняет? Если он просто нападёт?

— Тогда кричите. Громко. Мы будем в нескольких метрах. Это десять секунд бега.

— Десять секунд — это много, — тихо сказал Иван.

— Это всё, что у нас есть, — ответил Виктор Михайлович.

В этот момент в дверь постучали. Вошёл оперативник — молодой парень с короткой стрижкой, в штатском, но с выправкой военного. В руках он держал небольшой пакет из плотной коричневой бумаги, перевязанный бечёвкой.

— Виктор Михайлович, нашли ещё кое-что. При повторном обыске в доме Степанова. Лежало в шкатулке, в спальне, под половицей. Мы чуть не пропустили — половица была приклеена, пришлось отдирать.

Следователь взял пакет, развернул. Внутри лежал браслет. Тонкий, серебряный, с маленьким кулоном в виде сердца. Старая вещь, явно женская, с потускневшей от времени гравировкой на внутренней стороне. Ульяна наклонилась ближе и разобрала слова: «Свете от мамы».

— Света, — прошептала она. — Третья жертва. Та, чья кофта у меня.

— Да. — Виктор Михайлович протянул ей браслет. — Степанов хранил его отдельно. Не в подвале, с банками, а в спальне, в запертой шкатулке, под половицей. Видимо, это было для него особенно ценно. Возможно, это первая вещь, которую он взял у жертвы. Или последняя.

Ульяна взяла браслет. Металл был холодным, гораздо холоднее, чем можно было ожидать от серебра, пролежавшего в доме. Как будто холод шёл не снаружи, а изнутри — из самого металла, из его памяти. Она знала этот холод. Она чувствовала его каждый раз перед тем, как мир проваливался в чужую смерть.

— Я попробую, — сказала она.

Иван тут же оказался рядом. Его ладонь легла на её плечо, и знакомое тепло потекло вниз, к груди, к сердцу, затапливая холод. Она благодарно кивнула и, помедлив лишь секунду, сжала браслет в кулаке.

Мир изменился.

Сначала — комната. Маленькая, светлая. За окном — лето, солнце льётся сквозь занавески, и в его лучах танцуют пылинки. Света сидит у стола и вертит браслет в руках. Она счастлива — это чувствуется в каждом её движении, в лёгкой улыбке, в том, как она поправляет волосы. Она молода, красива, и у неё вся жизнь впереди. Браслет поблёскивает на запястье — тонкий, изящный, с крошечным сердечком, которое качается в такт её движениям.

Потом — темнота.

Та же комната, но теперь перевернутая. Стул опрокинут. Занавески сорваны и свисают с карниза рванными полотнищами. Браслет лежит на полу — тускло блестит в лунном свете, и цепочка порвана, как будто его сорвали резким движением. И Света на полу. И плёнка на лице. И руки в перчатках — сильные, спокойные, держат края целлофана.

— Смотри, — голос. Низкий, без интонаций. — Не смей закрывать глаза.

Перчатки. Чёрная кожа, плотно облегающая пальцы.

Рукав форменной куртки. Нашивки. Двуглавый орёл.

Запонка.

И шрам. Тонкий, старый, пересекающий левое запястье.

Выше. К плечу. К шее. К лицу.

Оно всё ещё в тени — плёнка бликует, зеркало искажает, — но она видит больше, чем раньше. Линию челюсти — резкую, словно высеченную из камня. Короткую стрижку, тронутую проседью на висках. Разворот плеч — тот самый, который она видела. Оборвалось.

Ульяна очнулась на руках у Ивана. Он держал её крепко, прижимая к груди, и его дар пульсировал — сильно, почти агрессивно, выжигая остатки чужого страха.

Она достала телефон и набрала Карину. Гудок. Второй.

— Карин, послушай. — Ульяна говорила быстро, пока не передумала, прижимая трубку к уху так, что пластик нагрелся от щеки. — Я не могу рассказать подробности, но если что-то пойдёт не так...

— Что? В смысле «не так»? Уля, ты меня пугаешь!

— Просто послушай. У меня есть мама. Она живёт одна. Ты знаешь, мы с ней не всегда ладили, но она моя мама. Если я вдруг пропаду или со мной что-то случится... пожалуйста, позаботься о ней. Навещай. Звони. Она не подпускает к себе людей близко, ты же знаешь её характер, но тебя она знает. Ты — единственная, кому я могу доверять.

— Ульяна, прекрати! Ты говоришь так, будто...

— Карин.

Подруга замолчала. В трубке было слышно только её дыхание — частое, испуганное.

— Я не геройствую, — сказала Ульяна. — Я делаю то, что должна. Так получилось. Так вышло, что я оказалась в центре всего этого, и теперь я не могу просто отойти в сторону. Ты же меня знаешь — я никогда не умела отходить в сторону. И я обещаю тебе: я вернусь. Но если нет... просто будь рядом с ней. Пожалуйста.

Долгая пауза. Такая долгая, что Ульяна подумала — связь прервалась.

А потом Карина сказала — тихо, без обычных шуток и восклицательных знаков:

— Я обещаю. Но ты вернёшься, слышишь? Ты должна. У тебя теперь есть Ваня. И у тебя есть я. И у тебя есть мама, которая, может, и ворчит, но любит тебя — просто по-своему, как умеет. Так что возвращайся.

— Постараюсь.

Ульяна нажала отбой и выдохнула. Иван смотрел на неё.

— Ты готова?

— Нет. — Она покачала головой. — Но это неважно.

Вечер наступил быстрее, чем она ожидала. Дождь прекратился, но небо оставалось низким, как старая вата, прижатая к крышам домов. Фонари на набережной зажглись рано, и их свет дрожал в лужах, как расплавленное золото, разбитое на сотни осколков. В воздухе пахло рекой — сыростью, илом, опавшей листвой, — и чем-то ещё, едва уловимым, как запах озона перед грозой.

Машина — тёмно-синий «Форд» — ждала у входа в сквер. За рулём сидел Князев. Ульяна села на заднее сиденье, Иван — рядом с водителем. Когда они обменялись рукопожатием, Иван снова на секунду замер — и снова этот странный взгляд в сторону Ульяны. Она заметила, как напряглись его плечи.

— Всё готово, — сказал Князев. — Мои люди на местах. Ульяна, вы помните инструктаж?

— Помню. Иду по центральной аллее. Музыка в наушниках. Микрофон в воротнике. Не геройствовать. Тянуть время.

— Хорошо. — Он повернулся к ней и посмотрел прямо в глаза. — И помните: он не устоит. Вы — его финал. Он придёт.

Иван вышел из машины первым. Ульяна — за ним. Холодный воздух обжёг лицо. Иван отвёл её в сторону, подальше от машины.

— Что ты чувствуешь от него? — тихо спросила она.

— Трепет. И возбуждение. Сильное. Как будто он ждал этого момента много лет.

— Это может быть адреналин перед операцией.

— Может. — Иван помолчал. — Но этот трепет... Как у...

— Как у кого?

— Не знаю.

Ульяна посмотрела на машину. Князев сидел за рулём, глядя прямо перед собой. Его профиль был резким, неподвижным, как высеченным из камня.

— Мы справимся, — сказала она. — Мы должны.

— Я буду рядом. На расстоянии вытянутой руки. Ты даже не увидишь меня, но я буду там. Каждую секунду. Слышишь?

— Слышу.

— Если он подойдёт ближе чем на метр...

— Ты его убьёшь. Я помню.

— Хорошо.

Она вставила наушники, включила музыку — что-то спокойное, без слов, просто фортепиано. И пошла по аллее в темн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.